

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, leaning towards the woman on the right. Their faces are very close, with their noses and lips nearly touching. The lighting is soft and dramatic, highlighting their profiles against a dark background. The man has dark hair and a slight stubble, while the woman has dark hair pulled back. The overall mood is intimate and sensual.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТУРАНА. М
ЛЮБОВЬ ТВОЯ
СТАЛА *И* ДОМ

18+

Турана М.

Любовь твоя стала ядом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69516466

SelfPub; 2024

Аннотация

Что может связывать Диану, девушку из приюта и успешных бизнесменов, братьев-близнецов? Прошлое! Братья Малик стали причиной, по которой девушка потеряла дом, родных и оказалась в детском доме. Единственное, что она хотела: больше никогда не пересекаться с ними, забыть и вычеркнуть из своей жизни! Но спустя годы, судьба снова сводит их вместе. Она все ещё помнит причину и братьев, которые сломали ей жизнь и детство, а они нет...

Содержание

Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	77
Глава 8	89
Глава 9	101
Глава 11	131
Глава 12	144
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Турана М.

Любовь твоя стала ядом

Глава 1

Была поздняя холодная осень. На улице уже давно стемнело. Я сидела у печки, разглядывая танцующие языки пламени, и, вытянув руки вперед, старалась согреть их. Весь день я занималась тем, что таскала дрова, которые колот дед, из сада в сарай и аккуратно складывала их там. Перчаток у меня от роду не было, и я так замерзла, что едва могла пошевелить конечностями. Казалось, что я продрогла до костей.

Моя бабушка, как обычно, ворчала и бранила меня, перемещаясь по маленькой, тесной комнате, в которой мы все уживались в холодное время года. Я привыкла к тому, что она ругает меня и не обращала внимания на её слова. Разве имеет значения, чем она недовольна в этот раз? Ей никогда не нужна веская причина – само мое появление на свет уже повод для этого.

Я никогда не получала от нее и деда доброго слова или взгляда, если кто-то в этом доме и был способен на ласку и поощрение, то – это моя мать. Но она не появлялась дома уже третий день, и я начинала скучать, хотя это и было обычным делом. Мама могла не появляться неделями и месяцами, я давно свыклась и смирилась с этим. Но не переставала тос-

ковать и ждать, когда она вернётся. Я не знала, где она бывает всё это время и чем занимается, а когда спрашивала, то не получала ответа. Моя мама не любила вопросов. Она не отвечала даже на те, что задавала бабушка. А что говорить обо мне?

Когда огонь в печке наконец-то окутал меня своим теплом, о себе напомнил голодный желудок. Я встала в надежде, что остался вчерашний суп, и сегодня мне не придётся ложиться голодной. Но шум и громкие крики, доносящиеся со двора, приковали меня к месту. Я не могла толком понять, что происходит. Мы жили далеко от села, и вокруг нас не было ни одной живой души, тогда откуда взяться этому шуму? Глянув на бабушку, которая перестала бубнить и настояженно вслушивалась в голоса, я выбежала на улицу...

Первое, что я увидела – была огромная машина, похожая на трактор. Свет её фонарей ослеплял мне глаза. Она так громко закричала, издавая страшный звук, что захотелось зажать руками уши. Прикрыв ладонями лицо, я скрылась в тень от яркого света, и посмотрела на женщину, которая громко кричала:

– Убирайтесь, убирайтесь вон с моей земли!

Я узнала ее – Амалия Акифовна!

Дом, в котором мы жили, был их собственностью. Мой дед ещё в молодости устроился на работу к отцу этой женщины. Он присматривал за землёй и главным особняком, за это ему разрешалась жить в этом доме на окраине опушки. Хозяева

очень редко приезжали сюда. За то время, что я помню себя, это было всего два раза. Когда это происходило – моя мама шла и убиралась там, готовя дом к их приезду.

Один раз мне удалось уговорить маму, и она взяла меня с собой. Я была безумно счастлива, это была моя тайная мечта: увидеть, как выглядит это огромное сооружение изнутри. Для меня, маленькой девочки, этот дом всегда ассоциировался с дворцом из восточных сказок. Я часто гуляла около него, фантазируя о том, что живу в нём. Мне до сих пор снится по ночам его великолепие. Какая там прекрасная мебель, красивые ковры и люстры на потолках.

В тот день их семья приехала раньше, чем предполагалось, и мама очень перепугалась. Она стала стремительно собираться и пыталась уйти так, чтобы они не заметили нас. Но нам это не удалось, мы столкнулись с ними у самого выхода.

Мужчина и женщина выходили из машины и, заметив нас, окликнули маму, чтобы она подошла. Когда мы поравнялись, они поблагодарили её за помощь и спросили о здоровье бабушки и дедушки. Пока взрослые общались, я находилась словно в трансе под впечатлением от этой встречи.

Мы жили очень замкнуто, дальше нашего села я не выезжала и была поражена тем, что увидела. Домом, огромной чёрной машиной, на которую падали лучи солнца, и она блесла от этого, красотой и нарядами этих людей. Они казались мне не реальными – никогда раньше я не встречала таких. Народ из нашего села был совершенно другим, не по-

ходим на этих людей. Они даже пахли как-то по-особенному. Мой нос приятно защекотало от незнакомых мне ранее запахов. Вдохнув глубже и вобрав в себя воздух, я пыталась удержать и сохранить запахи, словно это было возможно.

Я разглядывала их с ног до головы и когда увидела, какая у них красивая и чистая обувь, покосилась на мамины поношенные туфли и на изношенные свои. Меня охватило чувство стыда. Захотелось скорее уйти отсюда, но меня отвлек звук со стороны машины. Я увидела, как задняя левая дверь автомобиля открылась, и оттуда вышел парень. Он был старше меня, наверное, лет на пять. Мне тогда исполнилось десять лет, а ему, должно быть, было лет пятнадцать. Парень прислонился к машине и остался стоять возле нее, совершенно не спеша в дом.

Он был высок, худощав, с короткой стрижкой и чёрными, как ночь, волосами. Плотно сжатые губы и скрещенные на груди руки, говорили о том, что он чем-то недоволен. Возможно, поездкой сюда? Одетый в модные джинсы, белоснежные кроссовки и красную толстовку, он казался иностранцем. Таких парней я видела в американских фильмах для подростков. У нас не было телевизора, но, когда я бывала у одноклассницы Аси в гостях, она включала кассету на видеопроигрывателе, и мы смотрели фильмы, отправленные её отцом из России.

Мне казалось, что и сейчас я смотрю один из тех фильмов. Я с нескрываемым любопытством разглядывала и рассмат-

ривала его во все глаза. Парень это заметил, но казалось, что он привык к такому, и ему совершенно нет до этого дела.

Его взгляд был устремлён в мою сторону, но казалось, что он совершенно не замечает меня, словно я пустое место. Я же засмотрелась на него, и когда рядом с ним промелькнула чья-то тень, мне совершенно не хотелось отводить взгляд и отвлекаться на кого-то ещё. Но все же я сделала это, потому что продолжать так пялиться на него уже давно выходило за рамки приличия, и мне срочно нужно было заняться чем-то другим.

Мой взгляд перешел на того, кто находился рядом с ним. И я почувствовала настоящий, леденящий ужас. Там стоял точно такой же парень, как зеркальное отражение. В первую секунду мне показалось, что я и не отводила взгляд. Я зажмурилась, но открыв глаза, все ещё видела двоих. Никакой ошибки быть не могло, это были два абсолютно одинаковых человека. У них было одинаковое лицо, рост, тело и даже одежда.

Я так разволновалась, что у меня вспотели ладони. Инстинктивно схватив маму за руку, я сильно сжала её в своей руке. Мне стало страшно. Я не знала, что это, с чем я столкнулась? Разве так бывает? Почему они одинаковые?

Ещё раз заглянула в лица парней, пытаюсь найти отличия. На лице первого было всё то же выражение: полное безразличие к происходящему, но второй – он улыбался ехидной улыбкой. Казалось, что он наслаждается моим замешатель-

СТВОМ.

– Диана, – мама одернула мою руку, – попрощайся с Амалией Акифовной, мы уходим.

– До свидания. – тихо прошептала я, все ещё пребывая в шоке.

Мама повела меня за собой, и я, бросив последний взгляд на парней, поплелась за ней. Как только мы отошли на приличное расстояние от этих людей и места, я спросила маму:

– Мама, почему там два одинаковых мальчика, разве так может быть?

Но мама не отвечала, посмотрев на нее, я заметила, что она, о чём-то задумалась и даже не слышала меня. Дёрнула ее руку, стараясь привлечь к себе внимание, но мама не реагировала. Её лицо было хмурым и напряжённым. Я решила, что спрошу её об этом потом, когда она перестанет так хмурить брови. Но мама все молчала, думая о своём всю дорогу. И только когда мы почти дошли до дома, она спросила:

– Устала?

Я отрицательно покачала головой и повторила свой вопрос, пока мама опять не ушла в себя.

– Потому, что они близнецы, – коротко ответила она.

– А что такое близнецы? – это слово мне ни о чем не говорило.

– Это когда у одной мамы двое детей рождаются в один день с разницей в несколько минут. Они бывают одинаковые, как эти мальчики. – пояснила она, открывая калитку и впус-

кая меня во двор.

Я знала, что наш разговор на этом закончен, но мое любопытство так и не было удовлетворенно, мне так хотелось узнать больше об этих людях... Так же я знала, что к маме лучше не приставать с вопросами.

С тех самых пор ни с кем из них я не встречалась. И вот спустя четыре года эта женщина, которая в свое время уважительно разговаривала с моей мамой, стоит у нас во дворе в такое позднее время, пытаясь выгнать нас на улицу.

– Что случилось, Амалия? – раздался дрожащий голос бабушки. Опираясь на костыль, она двигалась в сторону женщины. – Ты с ума сошла?

– Отлично! – женщина повернулась в сторону громоздкой машины, – они все на улице, в доме никого больше нет, снесите эту чертову хижину! – закричала она водителю.

Машина закряхтела ещё громче прежнего и стала двигаться по направлению к дому. В ужасе и с диким криком, вырвавшимся из груди, я бросилась вперед, чтобы перекрыть дорогу этой адской машине. Я не могла позволить ей снести единственный дом, который у меня был. Но чьи-то сильные руки схватили меня сзади и оттащили в сторону, освобождая путь для машины.

Меня удерживали, не давая возможности вырваться. Я билась в этих руках, как испуганный дикий зверёк, всё мое тело содрогалась пополам, а из глаз лились слезы. В считанные секунды от того, что являлось моим домом не осталось ни-

чего... Лишь обломки, всё было сровнено с землёй.

Это казалось нереальным, непостижимым, дурным, страшным сном... Я молилась про себя, чтобы это был сон, хотела проснуться, но, больно ударившись об землю, поняла, что это жестокая, страшная действительность.

Тот, кто удерживал меня отбросил, швырнув на землю... Преодолевая боль, сквозь пелену слез, застилавших глаза, я обернулась, чтобы посмотреть на того, кто это сделал. Надо мной возвышался один из двух близнецов. Он изменился, стал выше, шире в плечах. Одетый во все тёмное, он показался мне самым дьяволом, пожаловавшим из ада по мою душу. В его взгляде, направленном на меня, читались ненависть и отвращение. За что? Почему? Что я сделала? В чем провинилась? Я не понимала...

Все ещё валяясь на земле, я дрожала, но перестала плакать, мне стало не до слез. Я хотела знать причину! Почему эти люди так поступали с нами!? Словно прочитав мои мысли, он присел на корточки возле меня и выплюнул:

– Твоя мать, была шлюхой моего отца, – глядя мне в глаза, произнес парень, – два дня назад они вместе разбились в его машине. Во всем виновата твоя дешёвая мамаша! Если бы она не имела привычки от*****ть в машине, этого бы не произошло! – его голос, слова били по моим нервам, словно током.

Никогда раньше мне не доводилось слышать таких гряз-

ных слов, тошнота и горечь поднялись к горлу. Я не могла поверить. Это не может быть правдой!

Я закрутила головой из стороны в сторону, отрицая всё, не желая впускать это в свое сознание. Мне хотелось кричать, вопить во все горло, что это не правда! Что он лжет! Но голосовые связки отказали мне, я ни слова не могла промолвить, ком в горле и жжение не давали этого сделать. В голове билось только одно слово «мама, мама, мама, мама, мама...».

– Убирайтесь с нашей земли! Из этого района и города! – продолжил парень. Больно схватив меня за подбородок, он заставил посмотреть ему в глаза. – Когда ты вырастешь, ты будешь такой же шлюшкой и подстилкой, как твоя мать. Чтобы и духу твоего здесь не было! – отцепив пальцы, он оттолкнул мою голову, и, встав на ноги, перешагнул через меня.

Как только он ушёл, я попыталась встать на ноги, собрала все свои силы для этого – боль в коленях и спине была невыносимой. Слезы брызнули из глаз, я разозлилась, зло смахнув их. Выпрямилась, повернулась и заметила машину у разрушенной калитки, и парня, сидевшего на капоте и наблюдающего за мной – второго из близнецов. Тот самый, с непроницаемым и скучающим выражением лица. Его взгляд и сейчас ничего не выражал. Словно то, что тут происходит, обычное дело и вовсе его не касается.

Я посмотрела на него долгим, немигающим взглядом, затем оглянулась в поисках другого – он под руку вёл мать к

машине. Посадив её на заднее сиденье автомобиля, подошел к брату и что-то сказал ему. Тот, что сидел на капоте, поднялся, и теперь они оба стояли в темноте и смотрели на меня. А я на них.

В этот момент, впервые в жизни, я испытала чувство ненависти. Только я не знала, кого из двух братьев я ненавижу сильнее. Того, что отшвырнул меня на землю, словно сломанную куклу, сравнив с грязью, или того, кто наблюдал за всем этим?

В области груди нарастала зудящая боль, я задыхалась от осознания того, что больше никогда не увижу свою мать. Её больше нет, она никогда не вернется домой... И дома тоже больше у меня не было. Эти люди разрушили не только его, они разрушили мою жизнь. Я не знала, что меня ждет дальше. Что со мной будет?

Они сели в свой автомобиль и уехали, растворившись в ночи и оставив меня у разрушенного дома моего детства. Сразу за ними отъехала и огромная шумная машина, оставив после себя тишину и отчаяние...

Не знаю сколько времени прошло, прежде, чем я оглянулась в поисках бабушки и деда. Увидела его на коленях и побежала к нему. Морщинистое лицо было залито слезами, исказившись от горя, дед плакал, беззвучно и горько.

Упав рядом с ним, я обняла его за шею и заплакала вместе с ним. Бабушка сторбившись стояла рядом с нами.

– Это не правда бабушка, это ведь не правда? – обрати-

лась я к ней в надежде, что она объяснит, скажет, что это всё ошибка, что моя мама не такая...

Но она молчала, поджав губы, и когда я начала думать, что она не ответит, её подбородок задрожал, прежде, чем она произнесла:

– Твоя мать, окончательно растоптала нас, Диана! Не оставила в нас ни капли чести. Сначала нагуляла тебя неизвестно от кого, а теперь померла в объятиях чужого мужа.

Глава 2

Дождь тарабанил в окно. Я наблюдала за каплями, которые скатывались по стеклу, и думала, что это природа плачет вместо меня. Я больше не могла, не могла плакать... Оказывается, слёзы тоже имеют свойство заканчиваться. Я проплакала много дней и ночей с тех пор как оказалась в стенах приюта, вот их и не осталось... Мои глаза болели, словно в них насыпали груды песка, сердце сжималось в маленький тугой комочек, и билось всё медленнее и медленнее...

Всего одна ночь – и вся моя жизнь перевернулась. Никогда больше она не станет прежней. Я потеряла всех, кого любила. Потеряла свою семью. Пусть она была не идеальной, неполной. Мама часто отсутствовала, бабушка постоянно ворчала и ругала меня, дед же заставлял работать, помогать ему по хозяйству... Но у меня была семья, и я любила их, своих родных, любила, такими, какие они есть.

Дедушка умер той роковой страшной проклятой ночью. Дойти до села тогда в темноте было невозможно, да и сил на это у нас не было. Мы остались ночевать у обломков дома. Легли на холодную сырую землю в ожидании рассвета.

Я лежала и не могла дышать. Мне казалось, что тонны бетона повесили на мои плечи, дикий панический страх всё нарастал и нарастал внутри. Все мысли были о маме, и о том,

что сказала про неё бабушка. Что мама «нагуляла» меня...

Я уже слышала это однажды. В первом классе на уроке мы обсуждали профессии отцов. Когда очередь дошла до меня, и я не смогла ничего рассказать, вместо меня ответил один мальчик. Он сказал: «У нее нет папы. Моя бабушка сказала, что мама Дианы нагуляла ее». Учительница побледнела и быстро перевела тему разговора. Тогда я впервые поняла, что я не такая, как другие дети. У всех есть папа, а у меня его нет...

В тот день я пришла из школы, растерянная и взволнованная, и впервые спросила о нём у матери:

– Мама, а кто мой папа, почему он не живет с нами?

Мама сидела на стуле около окна и штопала носки деда. От неожиданности она уколола палец иголкой. Слёзы выступили в уголках её глаз, но ни одна капля не скатилась из них. Отложив в сторону свое занятие, она под села ко мне на кровать, взяла за руку и, задумавшись, ответила:

– Твой отец, он... он... притворялся... Вскружил мне голову, я влюбилась в него без памяти, но он обманул меня – оказалось, что он был женат. Диана, у него другая семья, ты не нужна ему.

Сказав это, она ушла из комнаты, оставив меня в полном замешательстве. Больше никогда я не спрашивала у неё о нём.

Задумавшись, я не заметила, как рассвело. Я поднялась, стала будить бабушку – она тихо заворчала, и принялась за

деда. Но он не реагировал на мои просьбы проснуться, и тогда я стала легонько трясти его за плечо, но все ещё безрезультатно! Он лежал на боку. Я затрясла сильнее, так, что перевернула его на спину. Когда я увидела его лицо, оно было уже синим, а глаза безжизненными.

Впервые я столкнулась со смертью лицом к лицу. Мой крик был таким громким и пронзительным, что птицы на деревьях взлетели вверх... Я изо всех сил побежала в село. Стучалась во все двери и кричала, просила, чтобы люди помогли моему деду, чтобы они его разбудили. Я не хотела, не хотела, чтобы он умирал...

Но рассвет для моего деда так и не наступил. Жители села помогли нам, взяв на себя все расходы и организацию похорон. Я смотрела, как деда кладут в землю, засыпая песком, и думала, о том, где могила моей матери? Что они сделали с её телом? Где она похоронена? Это сводило меня с ума.

Потом бабушку определили в дом престарелых в городе, к которому относилось наше село. Когда мы прощались, я плакала, просила позволить мне остаться с бабушкой, не забирать её у меня. Она была единственной, кто у меня остался, и я не хотела расставаться с ней. Но меня отправили в приют в столицу...

Я ехала в микроавтобусе с социальными работниками, смотрела на длинную дорогу, на деревья, поля и горы, на города, которые мы проезжали, и думала, куда уносит меня жизнь? Что со мной будет? Почему это происходит? Ответов

не было. В моей жизни никогда не было ответов. Я не знала кто я, не знала историю своего рождения и историю своей семьи... Чувствовала себя песчинкой, которую захватил ветер, и, кружа, мчит по свету.

Прошло чуть более месяца, но мне казалось, что время остановило свой ход. Всё вокруг не имела смысла, казалось серым и блеклым. Приют, в который меня определили, предназначался для девочек-подростков. Мне предстояло прожить тут до моего восемнадцатилетия, но я никак не могла привыкнуть к этому месту, и не знала, смогу ли это сделать вообще.

Всю жизнь я прожила в деревне. Наш дом находился в лесном массиве. Я привыкла к свежему воздуху и пространству, а это место казалось мне тюрьмой. Это двухэтажное здание с решётками, ограждающими нас от остального мира, находилось в одном из отдалённых районов города. Нам запрещалось покидать его без разрешения директора приюта. Моя свобода была ограничена. Эти стены давили на меня, сводили с ума.

Я так задумалась, что не услышала, как двери в комнату открылись, и включился свет. Не стала оборачиваться, зная, что это моя соседка по комнате.

– Снова сидишь в полном одиночестве и в темноте, – отчеканила она, как только зашла. – Лучше пошла бы телек смотреть с нами, сколько можно страдать, пора бы тебе уже привыкнуть.

Я повернулась к ней, но ничего не ответила. Подошла к своей кровати и, расправив её, села на краешек. Взяла расческу с тумбочки, чтобы расчесать волосы, а когда поднесла её к голове, застыла. Мои волосы!

Я привыкла расчесывать их перед сном и заплетать в косичку, чтобы не путались. Они были длинные, и, если оставались незаплетёнными, то распутать их на следующий день было очень сложно. Но волос у меня больше не было, точнее они были, но очень короткие как у мальчишек. В первый же день моего пребывания тут мне их постригли. «Чем короче, тем лучше, и никакие вши водиться не будут», – довольным голосом сказала воспитательница, орудуя ножницами.

Тогда я никак не отреагировала на принудительную стрижку волос. Смотрела как длинные пряди разбросаны по полу и ничего не чувствовала... В конце концов, это было не самое страшное, что со мной произошло за последнее время.

Но сейчас на меня накатило осознание того, что я ни разу не посмотрела на себя в зеркало. Как я выгляжу без волос? Я не была красавицей – слишком худая, высокая и плоская для своего возраста. Во мне не было ничего примечательного: ни красивых глаз какого-нибудь необычного цвета, ни пухлых губ, а нос – он казался мне просто огромным. Единственным, что меня украшало, были длинные темно-каштановые волосы, достигающие до поясницы. Я очень гордилась ими.

– Эй, ты чего?

Я подняла взгляд на соседку, лицо которой выражало бес-

покойство.

– М-мои волосы... – разочарованно выдохнула я, уронив расческу из рук.

– Боже, ты умеешь говорить, не могу поверить своим ушам! С тех пор, как ты тут появилась, первый раз слышу твой голос. Я уж подумала, что ты немая.

Пропустив мимо ушей ее сарказм, я поинтересовалась:

– У тебя есть зеркало?

– Ещё бы. Ты пока не знаешь, но я – фанатка зеркал. Когда я вырасту, у меня в доме будут зеркальные стены, – с этими словами она протянула мне маленькое зеркальце.

Взяв его у неё из рук, я взглянула на свое отражение и сразу вернула обратно. Всё понятно, этого и следовало ожидать. Я – уродина! Короткие, неаккуратно подстриженные волосы торчали в разные стороны. Непонятный цвет лица и красные глаза делали меня похожей на труп не первой свежести...

– Да ладно, не переживай ты, отрастут твои волосы. Лучше давай знакомиться, меня Джульетта зовут, – улыбаясь, протараторила соседка, вытянув вперёд свою руку.

Это выглядело абсурдно, учитывая сколько времени я здесь нахожусь. Пора знакомства давно миновала. К тому же я знала, что её зовут не Джульетта.

Я осмотрела её с ног до головы. Она казалось мне очень странной девочкой. Мы были примерно одного и того же возраста, только она чуть ниже ростом. Худенькая, но, в отличие от меня, с выпуклостями в нужных местах. Чёрные во-

лосы едва доходили до плеч, контрастируя со смуглой кожей. Глаза голубого цвета с длинными изогнутыми ресницами, еле заметный маленький носик со вздёрнутым острым кончиком. Также я заметила, что у нее кривоватые зубки, но смотрелись они очень мило и придавали изюминку её улыбке.

– Я слышала, как твои подруги называли тебя Лейла, – закончив рассматривать её, скептически произнесла я.

– Ой, правда слышала? Знаешь, они мне вовсе не подруги. Но вот что я тебе скажу: наше преимущество в том, что мы можем быть кем захотим – Джульеттами, Аннетами, Криветтами... Ты можешь придумать себе любое имя, какое тебе нравится. Да у нас может быть новое имя хоть каждый день. Это на самом деле это очень круто, понимаешь? А теперь и ты можешь придумать себе имя и сказать мне его.

Я слушала Джу... Лейлу, и мне хотелось рассмеяться. У нее была детская непосредственная улыбка, но глаза казались взрослыми и рассудительными. Я поняла, что она пытается рассмешить меня, вывести из депрессивного состояния, в котором я пребывала. Моё сердце наполнилось благодарностью к ней.

– Диана, – ответила я, растягивая губы, но искренне улыбнуться у меня не получилось.

–Так-так, Диана. Что же, неплохо, но думаю, будет справедливо, если я буду знать ещё и твое настоящее имя. Только не говори, что и тебя Лейла зовут. Ты будешь тут шестая с

таким именем.

Теперь я не удержалась и, искренне рассмеявшись, ответила:

– Диана – это и есть мое настоящее имя, я его не придумала.

– Вот это да-а! Ты у нас эксклюзивчик. А теперь рассказывай, как получилось, что ты оказалась тут?

– Мои мама и дед умерли, бабушка в доме престарелых, вот меня и определили сюда, – не вдаваясь в подробности, ответила я. – А ты?

– У меня никто не умирал. Просто подбросили меня в детскую больницу с обострением пневмонии когда мне было всего несколько месяцев. Видимо думали, что я не выживу. Но я выздоровела, меня перевели в детский дом, где я жила до десяти лет. Ну, а потом уже сюда.

– Мне очень жаль, – подавленно произнесла я.

– Не надо меня жалеть, да и себя тоже! – воскликнула Джулейла. – Можно погрязнуть в жалости к себе. Что толку лить слезы и унывать, ведь ничего уже не изменить?! Диана, нужно двигаться дальше. Чтобы чего-то достичь в этой жизни, нужно направить все силы и мысли на другое. У тебя должна быть мечта или цель. Нужно стремиться к ним.

После столь длинной речи, она на минуту замолчала, раздумывая о чём-то. В глазах девочки появилась искорка, преобразившая её. Она казалась такой мудрой, но при этом весёлой и задорной.

– Знаешь, какая у меня мечта? – спросила она.

Я отрицательно покачала головой. Джулейла, так я нарекла ее про себя, широко улыбаясь, побежала в свою часть комнаты и полезла в шкаф. Она достала оттуда что-то из коробки.

Я терпеливо ждала, пока она не развернулась ко мне, держа в руках пару туфель красного цвета на высоких каблуках. Стремительно надев их на ноги, она прошагала по комнате, смешно покачивая бёдрами. Туфли явно были не по размеру, и она чуть не упала. Но ловко удержавшись, она продолжила свое представление.

– Я мечтаю стать моделью! – повернувшись ко мне, торжественно произнесла она. – Очень известной и востребованной! Мои фото будут во всех модных журналах и на рекламных баннерах по всему миру. Все узнают обо мне, особенно та, что трусливо бросила меня. Она посмотрит на мои фото и скажет: «Какая же у меня красивая дочь. И почему только я оставила ее?» Будет жалеть об этом! Но не я! У меня будет всё самое лучшее! Модная дизайнерская одежда, меха, бриллианты, машины, дома и яхты – всё что я захочу! У меня будет даже свой самолет!

С открытым ртом широко распахнутыми глазами я смотрела на Джулейлу. С какой уверенностью она говорила о своей мечте. Ни на секунду я не усомнилась в том, что у неё получится добиться всего этого.

Но также я заметила, что в её словах проскальзывала боль

и обида на свою мать, за то, что она бросила её. Должно быть, сложно жить с этим. Я знала, что моя мама не бросала меня. Несмотря на то, что у меня не было отца, и она растила меня одна.

– Диана, а теперь закрой глаза и представь, чего бы хотелось тебе? Поставь перед собой цель. Ты будешь идти к ней и перестанешь рыдать целыми днями, устраивая потоп в нашей комнате, – рассмеявшись, закончила она.

Последовав её совету, я прикрыла глаза и подумала, чего бы мне хотелось? Кем бы я хотела стать и что сделать?

Перед глазами встал образ бабушки. Даже в моих мечтах она хмурилась и бубнила про себя. И все же, я скучала по ней. Мне бы хотелось быть рядом, ухаживать и заботиться о ней. Тогда я решила, что сделаю это! Обязательно сделаю! Как только достигну совершеннолетия, я заберу бабушку и буду жить с ней! Ничего другого мне не нужно.

Глава 3

Наверное, я была не единственным подростком, который хотел бы скорее достичь совершеннолетия и вступить во взрослую жизнь... Но скорее всего, была единственной, кто ждал этого с таким фанатизмом. Все мои мысли были о том дне, когда я смогу вернуться в город, который покинула. Я жила этой мечтой, представляя себе как увижу бабушку, как она обрадуется и радостно заключит меня в свои объятия, впервые в жизни улыбнется и похвалит меня. Повесив у себя над кроватью календарь, я каждый день зачёркивала прожитый мною день и радовалась ему.

Моя соседка по комнате, а теперь – уже лучшая подруга, была права. С тех пор как у меня появилась мечта и цель, я перестала лить слезы и сожалеть о прошлом. Я привыкала к новому образу жизни и новым людям.

Жизнь в приюте не была лёгкой. Девочек было много, каждая – с тяжелым характером и печальной историей за спиной. Но в одном мы были похожи: мы остались одни, никому не нужные, никем не признанные. Казалось, что это должно было сплотить нас, но всё было наоборот. Каждый день в соседних комнатах и в школе случались разборки и скандалы между девочками. Драки, визг, крики и слезы стали привычными и не удивляли меня.

У нас, как и у обычных школьников, были занятия. Они проходили в соседнем здании, которое находилось на территории приюта. Пространство было ограниченное, дни унылые и однотипные, лица одни и те же. Это надоедало и утомляло, но деваться было не куда, с этим тоже пришлось смириться.

В нашей комнате обычно было тихо или же стоял такой смех и хохот, что содрогались стены. С Джулейлой мы подружились и отлично ладили между собой, хотя характер и интересы у нас были абсолютно разные.

Я, открыв для себя удивительный мир книг, зачитывалась ими. Погружаясь с головой, проживала с героями их жизни и истории. Доходило до того, что я могла расплакаться или рассмеяться среди ночи от прочитанного, а потом – долго ходить под впечатлением. С помощью книг я познавала мир вокруг и понимала, каким маленьким и замкнутым мой мир был раньше...

Джулейла не любила читать. Ей нравилось рассматривать модные гляцевые журналы, которые она доставала где-то немыслимым мне образом. Она надевала свои бережно хранимые туфли, ходила в них по комнате туда-сюда, вырабатывая походку манекенщицы, училась наносить макияж и делать себе прически. Также позировала и улыбалась для воображаемых фотографов.

Так и проходили наши дни. Наступила вторая по счёту зима в стенах приюта. В наших краях она не была холодной и

суровой, всегда стояла плюсовая температура. Поэтому я не поверила своим глазам, когда проснувшись, выглянула в окно и увидела как крупные хлопья снежинок кружат в воздухе. Деревья, земля все было покрыто белоснежным покрывалом.

Ничего более красивого мне ранее видеть не доводилось. Затаив дыхание, я радовалась как ребенок, испытывала дикий, неопиcуемый восторг. Это был первый снег за всю мою жизнь. Мне хотелось скорее выбежать на улицу и окунуться в эту зимнюю сказку. Взять в руки снег, ощутить его холод.

– Джулейла! – громко позвала я подругу, открыв шкаф и натягивая на себя свитер. Она ещё спала и совершенно не реагировала на мой голос. – Джулейла, просыпайся давай! Слышишь? Просыпайся!

Надев джинсы, носки и обувь, я не выдержала и стянула с неё одеяло. Уловка подействовала, подруга села на постели, сонно хмуря бровки.

– Ты, что с ума сошла? Сегодня суббота, у нас нет занятий, – она рухнула обратно на подушку.

– Да знаю я, но на улице снег, ты можешь поверить? Настоящий снег! Одевайся, пойдем скорее во двор.

– У тебя явная передозировка книгами, Ди. Начитаешься их, а потом мерещиться всякое. Скажи ещё, что там единорог или НЛО.

– А ты встань, посмотри сама, – бросила я ей и, надев куртку, выбежала из комнаты.

Если Джулейла не хотела просыпаться, то никто и ничто было не в силах оторвать её от постели. Она часто просыпалась занятия, могла прийти на второй или даже третий урок. Преподаватели уже знали эту её особенность и свыклись с ней. Поэтому я не стала, тратить время на то, чтобы продолжать её будить или убеждать в чём-либо. Быстрым шагом я прошла по пустому коридору, спустилась по лестнице и через парадную вышла на улицу.

Вдохнула полной грудью, почувствовав свежесть воздуха. Какой прекрасной и сказочной может быть зима! Не было привычного режущего ветра, сырости и серости земли...

Встав под падающий снег, я посмотрела на небо, и мои губы невольно растянулись в широкой улыбке. Закружившись, я раскрыла ладошки и принялась ловить снежинки, которые едва успевая оказаться в моей ладони, мгновенно таяли.

– Эй, убийца снежинок, ты забыла шапку.

Услышав за спиной голос подруги, я повернулась к ней, едва успев поймать шапку, которую она бросила мне. Джулейла стояла на крыльце, обернутая в одеяло.

– Ты сумасшедшая, знаешь это? – выпалила она. – Не понимаю, чему ты так радуешься?!

– Как чему, Джу? Ты не видишь эту красоту? Какое всё вокруг белоснежное! Никогда раньше я не видела столько снега.

– Тебе будет не так весело, когда они заставят нас очищать территорию от него, – недовольно поджав губы, сказала она

и завернулась в одеяло сильнее.

Эта перспектива меня не напугала. О чем я и собралась сообщить, но отвлеклась на звук подъезжающих автомобилей. Обернувшись, увидела, как три одинаковые иномарки, следовавшие друг за другом, притормозили у ворот приюта. Из них выскочили четверо высоких, одинаково одетых мужчин и поспешили к машине, что находилась посередине.

Невольно я попятилась назад. А затем и вовсе поспешила на крыльцо, встав рядом с подругой.

– Кто это?

Я даже не заметила, как вслух озвучила свои мысли. И была удивлена, когда Джулейла ответила:

– Хотела бы и я знать, кто они и что им тут понадобилось.

Двери машины, что находилась посередине, открылись, и из неё вышел ещё один мужчина. Одетый в длинное чёрное пальто, он зашагал к воротам. За ним двинулись и остальные, но движением руки тот остановил их. Навстречу к мужчине сразу же вышел наш охранник и впустил его внутрь.

Я как зачарованная наблюдала за всем этим. Чёрные машины и мужчины, одетые во всё тёмное, очень странно смотрелись на фоне снега. словно капли чернил на белоснежном листе бумаги.

Мужчина среднего роста не спеша шагал по аллее, оставляя на нетронутом снегу отпечатки своих шагов. Я почувствовала разочарование и досаду от этого.

– Пойдем, Ди, – схватив меня за руку, тихо прошептала

подруга, — нам лучше уйти.

Мужчина шёл к крыльцу, где мы стояли, но пока не замечал нас. Джулейла потащила меня за собой внутрь. Я последовала за ней, пока мы не оказались в нашей комнате.

— Чёрт, Диана, я думаю, что этот мужчина — один из тех, кого называют спонсорами! — выглядывая в окно, выпалила подруга.

— Какими спонсорами? — недоумевая, спросила я её.

— Я слышала, что богатые мужчины, такие как он, приезжают в приюты для девочек, высматривают себе ту, что понравится или даже нескольких. Потом они наобещают всего, начинают предлагать деньги, квартиру, и всё в таком роде.

— Но зачем им это? — удивилась я.

— Как это зачем? Они делают с ними всякие ужасные вещи. То, что не могут делать с жёнами.

— Какие вещи? О чем ты говоришь?

— Офф, твоя наивность убивает меня, Ди. Они делают из таких девочек секс-рабынь. Но оставь это, ты не поймешь. Суть в том, что этот человек может быть одним из них. Нам лучше не попадаться ему на глаза. Хорошо, что мы успели уйти прежде, чем он заметил нас.

Я потрясенно кивнула, соглашаясь с ней. Присела на кровать, но уже в следующую минуту вздрогнула от громкого стука в дверь.

— Диана, тебя Алла Рашидовна вызывает, — просунув голову в открывшуюся дверь, сообщила Лейла-третья. Девочка

чек с таким именем было несколько, и мы всех их нумеровали, чтобы не было путаницы.

– Зачем это? – вместо меня спросила Джулейла.

– Не, ну мне-то откуда знать? Я её секретарь что-ли? И так не повезло, что её кабинет около нашей комнаты находится. Сказала позвать, я сделала, – сказав это, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Мы с Джу озадаченно переглянулись между собой. Я была взволнованна так, что ладошки вспотели... Еще ни разу заведующая не вызывала меня к себе. Что ей понадобилось от меня сейчас?

– Я поду с тобой, – направляясь к двери, сообщила Лейла.

Я, кивнула, соглашаясь, и мы вместе вышли из комнаты. Я не знала, что и думать. Не было ничего, что могло бы послужить причиной того, чтобы меня вызвали к заведующей.

Оказавшись у её кабинета, я постучалась и зашла первая, за мной – Джулейла.

– Здравствуй, Диана, проходи, к тебе посетитель, – сообщила заведующая, указывая рукой в сторону.

Я увидела мужчину, который шёл по аллее. Он сидел на кушетке, не сняв свое пальто. Его глаза внимательно изучали меня. Страх и паника охватили меня дикой волной. Холодный озноб прошёл по телу. С близкого расстояния я могла рассмотреть его лицо, и понимала, что он мне не знаком. А что от меня нужно незнакомому мужчине? Вспомнились слова подруги о спонсорах.

Джулейла вышла из-за спины и встала рядом. Это придало мне немного сил, и я постаралась успокоиться.

– Я хочу поговорить с ней с глазу на глаз, – раздался властный голос мужчины. Затем он поднялся и, сняв свое пальто, кинул его на спинку кушетки.

Фигура, облачённая в строгий, темно-серый костюм, была статной, с выделяющимися широкими плечами. В волосах уже была видна седина, морщины вокруг глаз и рта также говорили о том, что мужчина уже не молод. Его тёмные глаза всё ещё смотрели на меня, хотя говорил он с заведующей.

– Я не уверена, что, – замялась Алла Рашидовна.

– Это был не вопрос, – жестко произнес мужчина. – Оставьте нас одних.

Возражений с её стороны больше не слышалось. Встав со своего рабочего места, она направилась к выходу, остановившись возле нас.

– Пойдем, Лейла, – сказала она, обращаясь к Джу.

– Я останусь, – возразила Джулейла, придвинувшись ближе ко мне.

– Я сказала, пойдем! – повысив голос, она устрашающе посмотрела на подругу.

Джулейле ничего другого не оставалось, как последовать за ней.

– Я буду за дверью, – прошептала она прежде, чем выйти.

Я стояла на том же месте, ближе ко входу на безопасном расстоянии от неизвестного мне мужчины.

– Как ты, Диана? Я слишком поздно узнал, что ты находишься тут, – начал он разговор.

– Кто вы? – я чувствовала ужасный дискомфорт от того, что мне приходится общаться с совершенно незнакомым мне человеком.

– Я, твой... Друг твоей мамы. Мне очень жаль, что это случилось с ней.

Я встрепелулась. Он знал маму? Её друг? Мысли заматались в голове, ни за одну из них я не могла ухватиться.

– Но я не знаю вас. Не уверена, что у мамы были друзья.

Мужчина кивнул. Но я не понимала, что означает этот жест.

– Мы встречались, но ты была маленькая, поэтому не помнишь меня. Ты очень похожа на неё, Диана.

Я окончательно запуталась, не зная, что и думать. Правду ли говорит этот человек? Кто он, и что ему нужно, даже если он и друг моей мамы!?

– Откуда вы знали мою маму?

– Я не могу тебе рассказать это сейчас, и забрать отсюда тоже не могу, – по лицу мужчины прошла тень. – Но обещаю, что ты ни в чём не будешь нуждаться, Диана. Придёт время, и ты займешь свое истинное место и положение в обществе.

От растерянности я не знала, что и ответить на это заявление. Я стояла и хлопала глазами, как глупая лань.

– Диана, послушай меня, вот моя визитка. Я хочу, чтобы ты позвонила по любому из этих номеров, если с тобой что-

то случится или тебе что-нибудь понадобится. Просто набери, и я всё улажу.

Я не заметила, как он оказался напротив меня и протянул визитку. Сделав шаг назад, я посмотрела на вытянутую руку мужчины, а затем на него.

– Не нужно, я справлюсь со всем сама, – ответила я и, повернувшись, выскочила за дверь.

Джулейла стояла напротив кабинета. Увидев мое побледневшее лицо, она бросилась ко мне.

– Что случилось? Кто он? Что он хотел от тебя? – засыпала она меня вопросами.

Мне хотелось одного – оказаться как можно быстрее и дальше отсюда.

– Пошли, – прошептала я и двинулась вперёд, оглядываясь на двери кабинета, чтобы убедиться, что меня не преследуют. Как только мы оказались в нашей комнате, и я смогла отдышаться, я рассказала ей обо всём, что произошло в кабинете.

– Значит я была права, он точно один из «спонсоров». Получается, что он всё же увидел нас.

– Не знаю. Мне показалось, что он говорит правду, что он действительно знал мою маму.

– Дуреха ты, это всё басни. Конечно, они так и пудрят мозги, типа друзья мам, родственники какие-нибудь. Обещают, что всё сделают и всем обеспечат! Хорошо, что ты не взяла его визитку, от греха подольше. Это ведь понятно, что у

сироток в любом случае будут проблемы, и они обязательно позвонят им и попросят о помощи.

Я не знала, чему верить... Возможно ли, что этот человек врёт? Он не показался мне плохим, но разве, я разбиралась в людях? К тому же, если он заметил нас у крыльца, то почему выбрал меня? Лейла, привлекательнее, и фигура у неё лучше, чем моя... Что-то тут было не так...

Глава 4

– Восемь лет спустя -

Семнадцать часов полета отделяли меня от долгожданной встречи с подругой. Хотя, назвать Джулейлу просто подругой, неправильно! Она – моя семья. Моя поддержка и опора, родной и дорогой мне человек. Так бывает, что вы не связаны кровными и родственными узами, но становитесь близки по духу и объединены одной судьбой. Будучи маленькими одинокими девочками, мы нашли защиту, тепло и уют друг у друга. Находясь в интернате, ни дня не расставались и через многое прошли вместе. Но пять лет назад учеба закончилась, и нам пришлось расстаться.

Я уехала учиться в другую страну по государственной программе, в которую попала благодаря руководству интерната. Мое обучение в одном из ведущих университетов мира казалось просто чудом и небывалой удачей. Я не могла поверить в то, что это возможно, но вот прошло пять лет, и я возвращаюсь домой дипломированным журналистом.

Сидя в самолете, стремительно набирающем высоту, я прикрываю глаза и вспоминаю годы, проведенные в интернате с Джулейлой.

После встречи с человеком, который утверждал, что он друг моей мамы, моя жизнь изменилась. Да и не только моя,

а всего интерната. Я так и не знаю, связано это как-то с ним или нет. После нашего разговора он ни разу не появлялся там, но наш интернат преобразился, и жизнь в нём изменилась.

На летние каникулы нас всех отправили в лагерь. Мы жили в санатории на берегу моря, ходили в музеи, кино и театр, ездили на экскурсии и, конечно же, купались. Это было самое весёлое и красочное лето за все наши прожитые в интернате годы. Все было новым не только для меня, но и для остальных девочек. Хотя мы и раньше находились в городе, берега которого омывает море, но никто из нас никогда не был так близок к нему. А теперь мы отдыхали прямо у моря. Я успела влюбиться в него. Наверное, море никого не оставляет равнодушным.

Три месяца пролетели как один день. Возвращаться назад, в нашу реальность не хотелось никому. Мы ехали в автобусе с похоронным видом. Все девочки подавленно молчали. А когда мы вернулись назад, то не узнали здание, в котором проживали. Вместо привычного серого, с обшарпанными стенами здания, мы видели новое двухэтажное, построенное из красного кирпича. А когда оказались внутри, то не могли поверить своим глазам. Нас ждали просторные комнаты в светло-бежевых тонах, мебель, люстры, шторы – всё было новым и красивым.

Этот день мне заполнился навсегда. В глазах девочек впервые были слезы радости. Все смеялись, обнимались и

восторгались нашим новым жильём. Многие просили ущипнуть их, чтобы убедиться, что это не сон. То, что нас направили в летний лагерь, само по себе было удивительным, а сюрприз по возвращению был из разряда чудес.

«Наверное, Бог вспомнил о нашем существовании», – радостно щебетали девочки, забегая в нашу комнату посмотреть, у всех ли так как у них.

Общая радость и восторг не обошли и меня. Я улыбалась, разглядывая нашу новую мебель и раскладывая свои скромные пожитки, привезенные из лагеря.

– С чего бы это все? Что-то тут не так, столько внимания со стороны государства за такой короткий срок, – бурчала рядом Лейла.

– Ты просто не умеешь радоваться, признай это, – пошутила я, толкнув её в плечо.

– Ди, я серьёзно. Тебе это не кажется странным? Я тут пять лет, и ни разу нас не отправляли в лагерь. Даже отопление в приюте давали позже, чем всем домам в округе. А тут такое... Успели построить целое здание за три месяца, внутри все обустроили... Ох, как бы нам это боком не вышло.

Я уставилась на неё, не понимая, к чему она клонит. Как это могло выйти нам боком? И спросила ее об этом:

– Что ты имеешь в виду? И причем тут мы? Думаю, нас потому и отправили в лагерь, что собирались строить новое здание.

– Да притом, Диана, что государству на нас глубоко на-

плевать. Не стало бы оно тратиться на то, чтобы улучшить нам жизнь. Здание не было в аварийном состоянии, соответственно строить новое не было необходимостью... Я думаю, а не связано ли всё с тем мужиком, что зимой приходил сюда?

От предположения Джу у меня свело желудок. Я уже давно перестала думать о том случае. Этот человек больше не появлялся, и я успокоилась и даже забыла о нём. Но если она говорит правду, то зачем ему это?

Наверное, ужас от этих мыслей отразился на моем лице, потому что Джулейла взяла меня за плечи и, потянув за собой, усадила на стул.

– Послушай, Ди, возможно я не права, ты не пугайся так, окей? Просто не привыкла я к тому, чтобы что-то в этой жизни происходило просто так. Давай дыши глубже, мы просто должны быть начеку, ладно?

– Да, ладно, но, если ты права, то зачем ему это? Почему он делает всё это?

– Я уже говорила тебе, для богачей нет ничего невозможного, так он покупает твоё расположение, Ди, улучшая твою жизнь. Но придет время, и он обязательно предъявит счёт.

– Лейла, я не думаю, что он бы стал делать это всё, только для того, чтобы заполучить меня. Это же смешно. Посмотри на меня, что во мне такого? Я обычная, не отличаюсь неопи-сваемой красотой или сногшибательной фигурой. Стал бы он тратиться в таких масштабах только для того, чтобы ку-

пить мое расположение?

– Ты не понимаешь, да? Диана, в тебе есть кое-что намного важнее красоты или фигуры, ты вся светишься внутренним светом. Это как маячок для них, для мужчин. Твоя доброта, наивность и невинность будут всегда манить их. Каждому захочется заполучить это для себя, а если не получится – уничтожить это в тебе. Сломать тебя...

– Но откуда, откуда ты всё это знаешь?

Иногда рассуждения и взгляд Лейлы на жизнь поражал меня. Мы смотрели на одну и ту же ситуацию, но видели совершенно разное. Она говорила и знала такие вещи, которые никогда бы не пришли мне в голову, даже во сне бы не приснились...

– Ты всего два года тут, Ди, а я родилась и выросла во всём этом. Жизнь успела проучить меня, розовые очки слетели ещё в детстве...

Тогда слова Джу так действовали на меня, что заколо-тило изнутри, и сердце задрожало как осенний лист на ветру... Я не хотела быть пешкой в чьей-то злой игре. Не хотела становиться игрушкой для взрослого дяди, которому вздумалось купить меня. Под впечатлением от её рассуждений, я ночами молилась, чтобы это всё было неправдой.

Проходили дни, складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы, но ничего не происходило. Этот мужчина больше не появлялся в стенах нашего приюта и в нашей жизни. Внутренний страх и тревога со временем отпустили

меня.

Мне исполнилось семнадцать лет, а это означало, что ещё год, и я смогу официально уйти из приюта, поехать к бабушке и забрать её. Это придавало мне сил, наполняло меня терпением.

На следующий же день после моего дня рождения, меня во второй раз за всё время пребывания в интернате, вызвали к Алле Рашидовне. Я снова разволновалась. Как и в прошлый раз, Джулейла пошла со мной. Я с облегчением вздохнула, когда мы зашли в кабинет, и там, кроме заведующей, никого не оказалось.

– Я вызывала только Диану, – строго взглянув на нас, поверх очков, сказала она.

– Можно Лейла останется? – дрожащим от волнения голосом, попросила я.

Мне не хотелось оставаться один на один с информацией, которую она собиралась мне сообщить. Дурное предчувствие затянулось узлом в желудке.

Ничего не ответив, заведующая указала мне на стул перед собой. Она была строгой деловой женщиной, управление приютом для неё было лишь работой. Она держалась с нами на расстоянии, без эмоциональной близости. Воспитательницы относились к нам по-доброму, жалели и даже любили некоторых из нас, но не Алла Рашидовна.

– Диана, я получила письмо, – будничным тоном начала женщина, когда мы сели напротив.

Кровь застыла в моих жилах. Я не знала, что именно услышу, но понимала, что ничего хорошего.

– В нем сообщается, что Тамара Ратмировна, твоя бабушка, скончалась месяц назад в доме престарелых. Ты являешься её единственным родственником. Но, так как ты – несовершеннолетняя, и не можешь заниматься такими вопросами, сотрудники сами похоронили её на кладбище дома престарелых.

В этот момент моя единственная мечта разбилась, разлетевшись на мелкие осколки. Было так больно, что я не могла произнести ни слова. Не помню, как шла обратно в комнату, глаза застилали слезы. Я была в прострации, окутанная болью и разочарованием. Мои бабушка и дед были похоронены на разных кладбищах, а о том, где мамино тело предано земле я не знала... Это было ужасно, это было страшно...

С тех пор как мы ушли от заведующей, я не произнесла ни слова. Как бы Лейла не пыталась расшевелить меня, не трясла, пытаясь привести в чувства, я только плакала...

Когда я очнулась, увидела, что она спит на стуле возле меня, согнувшись в неестественной позе. Я не могла рационально мыслить. Голова болела так, словно по ней проехался танк. Я не понимала, где я нахожусь, как вообще оказалась тут. От белых стен болели глаза, хотелось закрыть их и больше никогда не открывать. Слова Аллы Рашидовны всплыли в сознании, заставив меня поморщиться от тупой, режущей боли в груди... Слезы снова навернулись на глаза.

– Ну вот, плакса Ди снова вернулась.

Сонный голос Джу звучал неестественно нежно, я посмотрела на неё, борясь со слезами, что жгли глаза.

– У меня больше никого не осталось, Лейла, – сквозь всхлип, сорванным голосом пожаловалась я подруге.

– Правда? Тогда, что я тут делаю, Ди? Если у тебя никого не осталось, то кто я? Просто представь, что у тебя есть сестра, и это – я. Мы вместе! Ты не одна!

Ей удалось найти нужные и верные слова, направить меня, заставить идти дальше пережить, что угодно, облегчить мое горе и боль...

– Спасибо, если бы тебя не было, не знаю, что бы я делала.

– Я скажу, что – ты всё время бы плакала и плакала.

А ещё, она заставляла меня улыбаться, превращая всё в шутку.

Но теперь я осталась без мечты, без цели, не знала, что будет через год. Чем я займусь, покинув стены приюта? Многие девочки готовились поступать в техникумы и университеты, а я даже не знала, кем хочу быть. Поэтому, улыбка получилась вымученной и неестественной. Опять я была растеряна...

– Сколько, я уже тут? – попыталась отвлечься от грустных мыслей я.

– Уже второй день. Знаешь, ты очень напугала меня, у тебя был сильный жар, и ты бредила во сне. Мне пришлось разбудить Алину Исааковну, она и вызвала скорую, и разре-

шила мне поехать с тобой в больницу.

Ничего этого я не помнила. Джу рассказала в подробностях всё, что происходило, пока я была без сознания, а потом я снова уснула...

Проснувшись я на следующих день во время обхода врача. Он сообщил, что мне придётся ещё несколько дней провести здесь. Это совсем не радовало, я хорошо себя чувствовала, и мне хотелось вернуться в приют. Повезло только в том, что Лейле разрешили остаться рядом со мной. Я и не знала, что такое возможно в наших больницах. Когда мы спросили об этом у врача, он ответил, что этот вопрос уже улажен, и она может находиться рядом.

К вечеру этого же дня я металась по палате от скуки, не зная, чем себя занять, жалея, что под рукой нет какой-нибудь книги.

– Перестань мельтешить перед глазами, Ди, – возмущенно простионала Лейла, рассматривая себя в зеркало.

– Тут ещё скучнее, чем в приюте, – выдохнула я и посмотрела в окно, – вот бы сейчас погулять на свежем воздухе.

– Так в чем проблема? Пойдем, погуляем, мы же не в приюте, сможем уйти незамеченными.

– Ты шутишь? Думаешь, у нас получится? – взволнованно спросила я. С одной стороны мне очень хотелось выйти, подышать воздухом, но в то же время – это пугало.

– Давай попробуем. Медсестры всё время нет на месте. Ты пока одевайся, а я посмотрю, там она или нет.

Как только Джулейла вышла из палаты, я немедленно принялась натягивать джинсы и футболку. Знала, что если начну думать, то струшу. Через несколько минут она просунула голову в дверь, подавая знак, что мы можем идти.

Пока мы шли через длинный коридор к лифту, моё сердце стучало так громко, что закладывало уши. Не знаю, что было бы, если бы нас поймали, но ничего хорошего нас точно бы не ожидало.

Когда мы оказались на улице, было уже темно, светили фонари. Мы с Лейлой постарались уйти как можно дальше от окон больницы. Я даже не знаю, куда мы шли. Никаким воздухом мне уже не дышалось, я только начала осознавать, какой глупый поступок мы совершили. Сможем ли мы вернуться назад незамеченными? А если об этом узнает Алла Рашидовна, то у нас точно будут проблемы.

Лейла шла рядом и тоже молчала. Мы продолжали идти вперед – это было каким-то наваждением, когда мозги от выброса адреналина в кровь отключаются.

Спустя какое-то время мы слышали шаги за спиной и, обернувшись, увидели мужскую фигуру в темноте. Человек не спеша следовал за нами, не пытаясь догнать, но и не отставал. Мы оказались в переулке, где с обеих сторон находились гаражи. Лейла вцепилась в мою руку, и мы, не сговариваясь, пошли быстрее.

Когда гаражи закончились, мы свернули за угол и поняли, что просто перешли в соседний ряд. Это был путь назад в

больницу. Не останавливаясь, мы шли так быстро, как могли, но минуты через три снова оказались у одного из гаражей. Двери у него были открыты, внутри горел свет, оттуда доносились мужские голоса. Надеясь пройти незамеченными, мы прибавили шаг и прошли мимо. Но спустя несколько минут за спиной прогремел голос:

– Эй, куколки, куда это вы собрались?

Меня словно парализовало. Страх так сковал, что я не могла сделать ни шагу. Джулейла пыталась тянуть меня вперед. Широко раскрыв глаза, она смотрела на меня как на полумертвую.

– Что ты делаешь, Ди, пошли ско...

Но не успела она договорить, как один из парней настиг нас, оторвал меня от земли, взвалил к себе на плечи и потащил в гараж.

– Смотрите, парни, какая у меня добыча! – хохоча и хлопая меня по попе, произнес он.

Его дружки громко и противно засмеялись. Я всё ещё не могла двигаться или произнести хоть слово. Казалось, что от испуга глаза вылезут из орбит.

– Ну что, придется тебе поделиться добычей, – сказал один из них, подойдя ко мне.

Сзади послышался рык. Я не поняла кому от принадлежал, пока не услышала голос Лейлы:

– Отпустите её, сукины дети! – она бежала к ним с какой-то железякой в руках.

Но не успела она замахнуться, как тут же оказалась на земле от удара в челюсть. Мой ступор прошел, и я с криком бросилась к ней, но чужие грязные руки схватили меня и оттащили в сторону.

– Ну что же вы, малышки, мы с вами по-хорошему, а вы как? – подняв Лейлу за локоть, насмешливо произнес тот, кто затащил меня в гараж.

– Вы – собачьи отродье, только попробуйте тронуть нас, и я отрежу ваши причиндалы и заставлю сожрать их! – свободной рукой она расцарапывала лицо парню, что держал её.

Но тот быстро перехватил её руки и заломил их за спину.

– Начнем с тебя, мне нравятся дикие кошечки, – он перевернул её и прислонил к стене.

Я, находясь в полубморочном состоянии, попыталась вырваться, помочь ей, но меня удерживали оставшиеся двое.

– Не торопись малышка, и твоя очередь придёт, – прошептал один из них, облизнув мое ухо.

– Отпустите нас, отпустите, пожалуйста! – плача, взмолилась я, ощущая тошноту.

Но ответом был противный смешок. Тот, кто удерживал Лейлу, пытался одной рукой снять её джинсы. Ему это не удавалось, она всё время дергалась, осыпая его проклятиями. Я, закрыв глаза, чтобы не видеть всего этого, стала молиться о смерти. Пусть мое сердце остановится... Лучше умереть, чем пройти через такое...

– Развлекаетесь, парни? – чей-то спокойный бархатный

баритон заставил меня прервать молитву и открыть глаза.

Голос доносился со стороны распахнутых дверей гаража. Застыв, все уставились на парня, который стоял у входа и докуривал сигарету. Он был выше и крупнее тех, кто находился в гараже. Одет он был в классические брюки и чёрную рубашку. В глаза бросался шрам над верхней губой и длинные ресницы, несвойственные мужскому полу.

– Амир... – произнес тот, кто держал Лейлу. Он отпустил её из своего плена и тут же согнулся от удара в пах.

– Мерзкий ублюдок! – плюнув в него, воскликнула она.

Те, что держали меня, оттолкнув, двинулись в её сторону, но остановились на полпути от предупреждающего голоса.

– Они со мной.

– Амир, брат, мы не знали, что куколки – твои. Ты же знаешь, мы бы никогда...

Я не заметила, как Джу оказалась около меня. Она взяла меня за руку и потащила из гаража. Мы проскользнули мимо Амира, но не успели уйти далеко, когда заметили, что он идет за нами. Он не пытался напасть, и мы перестали его бояться. Пока мы шли, я, казалось, не дышала... Всё внутри дрожало от пережитого страха.

Не знаю, каким образом мы вышли обратно к больнице, но, увидев здание, я облегченно выдохнула. Когда идти до него оставалась чуть-чуть, Лейла остановилась и повернулась к Амиру. Он стоял в пяти метрах позади нас. Увидев, что мы остановились, сделал тоже самое.

– Эй, кто ты? – крикнула ему Лейла.

Парень молчал. Достал сигарету, закурил. Она двинулась к нему, я последовала за ней.

– Ты плохо слышишь? Я спрашиваю, кто ты? И почему ты помог нам?

Его губы медленно растянулись в кривой усмешке. Тёмные глаза из-под пышных ресниц изучали фигуру Лейлы.

– Тебя пытались изнасиловать трое парней, не хочешь сказать мне спасибо? – вместо ответа, спросил он.

– Заметь, это твои дружки пытались изнасиловать, а значит, ты – такой же, и, следовательно, никакой благодарности не заслуживаешь! – сузив глаза и вздернув подбородок, ответила она.

Я снова занервничала. Зря она его провоцировала. На самом деле, если бы не он, то... Поэтому, осмелев, я решила всё же поблагодарить его.

– Спасибо вам, если бы не вы...

Он перевел взгляд с Лейлы на меня.

– Постарайся больше не влипать в такие истории, Диана, – сказав это, он выкинул сигарету и, потушив её ногой, зашагал прочь от нас.

– Эй, ты куда? Ты так и не ответил мне, – кричала вслед ему Джу, но парень даже не обернулся.

До меня не сразу дошло, что он назвал моё имя. Откуда он узнал его?

Вернуться незамеченными нам так и не удалось. Медсест-

ра поджидала нас на своем посту. Прочитав нам длинную нотацию и сделав строгий выговор, она отпустила нас в палату. Всю ночь мы не могли сомкнуть глаз, обсуждая то, что с нами приключилось. Джу все же признала, что своим спасением мы обязаны загадочному Амиру. Так же мы решили, что он слышал мое имя, когда Джу называла его. Но одного нам не удалось понять, почему он преследовал нас?

Глава 5

Дрожащими руками я закрываю дверь на все имеющиеся замки, поворачиваюсь к ней спиной и сползаю вниз. Моё тело бьёт мелкая дрожь, пытаюсь выровнять дыхание, но мне это не удаётся. Зажмурившись, убеждаю себя, что это всё – сон, кошмар, который мне приснился. Сейчас я открою глаза и окажусь в своей кровати. Медленно поднимаю тяжелые веки... и ... чёрт, чёрт, чёрт! Я так же сижу на полу, прислонившись к двери своей квартиры. Это – моя реальность!

Если бы я знала, что прошлое, забытое и переболевшее, настигнет меня, столкнёт лицом к лицу с моими страхами, я бы никогда не вернулась в эту страну... Узнали ли они меня? Этот вопрос не даёт мне покоя, доводя меня до истерики. Я боюсь ответа на него. Почему мне страшно, ведь мне уже не четырнадцать лет, и они больше не смогут причинить боль? Теперь мне некого терять... Мои мысли прерывает громкий звонок мобильного. Порывшись в сумочке, достаю его.

– Алло, – шепотом отвечаю на звонок.

– Где ты, Ди? Что случилось? Ты сбежала из агентства, как ужасенная, у тебя все хорошо? – обеспокоено кричит Лейла в трубку.

– Да, просто плохо себя почувствовала, наверное, перемена климата, – впервые вру я ей.

– Какие симптомы? Я еду домой, могу зайти в аптеку.

– Не знаю... Всё сразу... Джу, просто приезжай, ничего не надо, – слова даются мне с трудом, словно горло окутано колючей проволокой.

– Ладно, скоро буду, разберёмся.

– Хорошо, – отвечаю, заканчивая разговор.

Сил встать и пройти дальше нет. Я по-прежнему сижу у двери, проклиная себя за то, что пошла с Джулейлой на её фотосессию. Если бы я знала, чем всё обернётся...

Всего три дня назад я вернулась домой. Мы с Лейлой никак не могли наговориться или расстаться. Она встретила меня в аэропорту, и после долгих объятий и веселого щебетания, мы поехали домой. Ещё до моего отъезда мы решили, что будем жить вместе. Я получила однокомнатную квартиру, а Лейла – комнату в общежитии, в котором, в основном, жили мужчины. Поэтому, мы решили сдавать её комнату, а жить у меня.

Переступив порог, я нашла все необходимые вещи и сразу отправилась в душ, а когда вышла, то нашла подругу на кухне.

– Рассказывай, как ты там жила все это время? Чем занималась? – потребовала Лейла, разливая по кружкам чай.

– Ты все и так знаешь, рассказывать особо нечего, — ответила я, сидя на стуле и промокая полотенцем мокрые волосы.

– Знаю, но мне хочется услышать всё от тебя, вживую.

По электронным письмам совершенно не понятны твои эмоции, – объяснила подруга, садясь напротив и расставляя на столе кружки.

– Сначала было трудно. Мой английский оказался не так хорош, как я думала. Приходилось круглосуточно заниматься ради стипендии, но уже через год мне доверили вести сайт нашего факультета и даже вполне прилично платили за это. Вот собственно и всё, – закончила я, пожимая плечами.

– И все?! И никакого секса, наркотиков и рок-н-ролла?!

Я так громко рассмеялась, что чуть не разлила чай. Годы шли, а Джу не менялась. Хотя нет, она превратилась в эффектную красавицу! Она относилась к тому типу девушек, которые даже в три часа ночи, спросонья, выглядят свежими и ухоженными. Я знала, что она тщательно следит за собой, посещает салоны красоты и не выезжает из фитнес-клубов. Результатом этого была ее шикарная подтянутая фигура. Я же была врожденный скелет и даже занятие спортом в кампусе, не изменили мою фигуру...

После приюта Лейла закончила колледж по направлению парикмахерского искусства и прошла курсы по визажу. Даже работала какое-то время по специальности. Но потом бросила, так как работа мешала ей ходить на кастинги и пробы. Некоторые из них были удачными, и она в качестве модели участвовала в съемках и показах. Но ничего «масштабного», как она говорила, среди этих предложений не было.

– Я серьезно, Ди. Неужели ничего интересного за пять

лет? Ни одного америкашки, который бы заинтересовал тебя?

– На это не было времени, Джу. К тому же мне не хотелось заводить с кем-то отношения или дружбу, привязываться к кому-то, зная, что придется расстаться. Это чистый мазохизм... Я прошла уже через это, мне было чертовски трудно и тоскливо без тебя.

– Так-так, зная тебя, на этом моменте ты должна пустить слезу. Поэтому давай не будем о грустном, мы снова вместе, и впереди нас ожидает только лучшее!

Подняв свою чашку с чаем, она предложила чокнуться, превращая свою речь в тост. Подыграв ей, я с важным видом подняла свою и, чокнувшись с ней, пригубила чай.

– Теперь твоя очередь рассказывать. Как у тебя обстоят дела? Участвуешь в каком-нибудь проекте или пока тишина?

– У меня намечается кое-что грандиозное, Ди, – радостно сообщила подруга. – Я боюсь загадывать, но если в четверг фотосессия пройдет удачно – можно считать, что у меня будет контракт с одним из ведущих и престижных модельных агентств в стране. Это другой уровень, всего шаг до мечты, понимаешь?

– Правда? Что же ты молчала все это время? Я очень рада за тебя, Джу! Уверена, что у тебя получится, все фото будут удачными, ты будешь лучшая! – радостно затараторила я.

Новости подруги обрадовали меня: так хотелось, чтобы все её мечты исполнились.

– Надеюсь Ди, первый тур я прошла. Он состоял из дефиле, вторая часть – фотосессия. Но помимо меня, туда прошли ещё одиннадцать девушек, а нужны им только шесть. Конкуренция, как видишь, не хилая.

– Я даже не сомневаюсь, что ты будешь в их числе, Джу! – искренне заявила я, отхлебнув чая.

– Обещай, что пойдешь со мной! Если ты будешь рядом, я буду чувствовать себя увереннее.

– Конечно, милая, – не задумываясь, согласилась я.

С утра мы отправились в студию агентства, которое находилось в одном из двух известных бизнес-центров в самом сердце города. Я ещё не видела этих зданий, их построили уже после моего отъезда. Они являлись зеркальным отражением друг друга, а также имели эстакаду, которая протягивалась между ними на приличной высоте, позволяла попасть из одного здания в другое. Построенные из тёмно-синего стекла, они возвышались над другими строениями и смотрелись впечатляюще.

– В народе их называют близнецами, – прокомментировала Джулейла, заметив мою заинтересованность.

Когда мы оказались внутри и поднялись на нужный этаж, мне показалось, что я на другой планете. Здесь было множество девушек: худых, высоких и красивых, как на подбор. К нам навстречу вышла блондинка по имени Наталья. Её имя было написано на бейдже, прикрепленном к белоснежной рубашке. Джулейла объяснила ей, что мы пришли на второй

тур кастинга, и Наталья провела нас в примерку.

Лейла села на свободный стул у зеркала и сразу же включилась в процесс, совершенно забыв обо мне. К ней тут же подошел визажист и, порхая как бабочка, стал наносить макияж. Были и другие модели, над которыми так же работали. Рядом отпаривали коллекцию свадебных платьев, готовя их для съемки. Лейла рассказывала, что сниматься они будут в образе невест, так как агентству нужны новые лица для одного известного дизайнера свадебных платьев. Мне казалось, что я нахожусь в муравейнике, где всё вокруг движется, и лишь одна я, замерев, зачарованно наблюдаю за этим сумасшествием.

– Где номер двенадцать?

Я встрепенулась от вопроса, усиленного громкоговорителем. Оглянувшись, увидела низкого пухлого мужчину, который шел со стороны входа.

– Я спрашиваю, где двенадцатая модель, она, что опаздывает? Через десять минут съёмки, фотографы никого ждать не будут.

Все уставились на пустующий стул и зеркало у стены. Возарила неестественная тишина.

– Вот ты, где, милочка, – его взгляд упал на меня, и он двинулся в мою сторону.

Я напряженно выпрямила спину.

– Что ты стоишь тут, как истукан? Ждешь особого приглашения? – обращался он ко мне, продолжая говорить в свое

устройство.

– Нет-нет, я не модель, – завертела я головой.

– Как это не модель? Кто впустил сюда постороннего?! С кем ты прошла? Тут могут находиться только модели и сотрудники, это не проходной двор, в конце концов! – голосил он на всю гримёрку.

Все уставились на нас. Я испуганно посмотрела на Джулейлу, та еле заметно покачала головой, прося тем самым, чтобы я её не выдавала.

– Я хотела сказать, что я только начинающая... Начинающая модель, – сказала я первое, что пришло в голову.

– Это и видно, – он осмотрел меня с ног до головы. – Не понимаю, как ты прошла во второй тур. Но раз это недоразумение всё же произошло, то пошевеливайся, съемки начинаются.

Он взял меня за локоть, повёл к зеркалу и насильно усадил на стул.

– Займитесь ей кто-нибудь!

От его крика я чуть не оглохла. Около меня тут же появились двое. Женщина, которая схватив меня за подбородок, осмотрела лицо, поворачивая его в разные стороны. Открыв свой саквояж, она разложила косметику, перебирая какие-то кисточки. И парень, который бесцеремонно стянул резинку с волос.

– Шикарные волосы, – растягивая слова, произнес он, – работать с такими, одно удовольствие!

Даже находясь в такой неоднозначной ситуации, я почувствовала гордость от его слов. Многие годы моих волос не касались ножницы парикмахера, я ухаживала за ними сама.

А затем всё так завертелось, что я почувствовала себя куклой на ниточке... Мне наносили макияж и делали причёску одновременно, постоянно дергая и указывая, что делать. Невольно я задумалась, как им это удаётся? Эти двое работали быстро, абсолютно не мешая друг другу.

Спустя несколько минут я оказалась в примерочной, где двое девушек помогли мне переодеться в свадебный наряд. Уставившись в огромное зеркало, я не узнавала свое отражение. Какое же волшебство могут творить некоторые люди! Всего несколько минут, и я стала совсем другой... Сказочной феей и нимфой!

Нежный макияж выделял глаза – они казались огромными, ресницы стали длиннее, губы – более пухлыми, а носик смотрелся маленьким и изящным. Волосы крупными локонами спадали по плечам вниз, белое платье, в греческом стиле струилось по телу легкой волной, оголяя плечи и шею.

– Пошевеливаемся, милочки, пошевеливаемся, – снова раздался противный голос из громкоговорителя.

Развернувшись, я вышла из примерочной и столкнулась с Джу, которая поджидала меня.

– Ди, прошу тебя, не подведи! Если они узнают, что ты не модель, у меня будут проблемы. Я не думала, что сюда нельзя с посторонними. Они решат, что я – не профессионал, и

тогда никого контракта мне не видать, – тихо шептала она, чтобы не быть услышанной посторонними.

– Но я не модель, Джу. Я не имею представления, что делать перед камерой, – таким же шепотом ответила я.

– Просто вспомни, как я репетировала в приюте, Ди, в этом нет ничего сложного.

– Эй, милочки, оставьте сплетни на потом, быстро в студию, – прогремело из громкоговорителя возле нас.

Джулейла удалилась, бросив на меня прощальный, умоляющий взгляд. Я посмотрела на пухлого, которого успела возненавидеть его за такой короткий срок. «Бедные его соседи. Он, наверное, спит с этой штукой и храпит в него», – злобно подумала я, последовав за другими девушками.

Мы оказались в большом зале. Тут находилась разная фотоаппаратура и фоны для съёмок, разделённые между собой перегородкой. На них были указаны номера, и большинство девушек тут же заняли свои места.

– Ты под номером двенадцать. Видимо девушка, которой он достался, передумала и не пришла, – сказала Джу, остановившись около меня на несколько секунд.

Затем она исчезла за перегородкой под номером восемь, а мне оставалось найти свой номер и молиться, чтобы меня не раскусили с первого же кадра.

– Привет, я Мира. Сегодня мы работаем вместе, и если всё пройдет удачно, то пересечемся ещё не раз, – добродушно улыбаясь, сообщила мне молодая девушка с фотоаппаратом

в руках, стоящая возле номера двенадцать.

– Диана, – облегченно выдохнув, представилась я и слегка пожала её протянутую для приветствия руку.

Меня безумно обрадовал тот факт, что фотограф, с которым мне придется работать – девушка. Все остальные фотографы были мужчины, и я бы, наверное, рассыпалась от скованности перед ними.

– Окей, Диана, наша задача в том, чтобы за полчаса сделать как можно больше удачных кадров. Если мы справимся с этой работой, то ты пройдёшь дальше.

Я кивнула в ответ. Мира нравилась мне, она улыбалась, от нее исходила хорошая энергия. С первого же снимка я стала получать её одобрение и похвалу, и сама не заметила, как втянулась в процесс съёмок, не испытывая никакого страха или волнения. Время пролетело незаметно, и через пол часа пухляш объявил о завершении съёмок.

– Всё, дамочки, стоп-кадр! Переодеваемся, но не расходимся. Результаты вы узнаете через час в конференц-зале, Наташа проведёт вас.

Мы вернулись обратно в гримёрную, переоделись и вышли в зал в ожидании Натальи.

– Ну как ты? – заговорщически спросила Джу, протягивая мне пластиковый стаканчик с водой и присаживаясь рядом.

– Даже не знаю... Не могу поверить, что вляпалась в это, – ответила я, принимая стакан из ее рук и осушив его на одном дыханий.

– Любой опыт ценен, детка, – весело подмигнув, пошутила подруга.

Я глупо захихикала от выражения её лица. Остальные девушки поглядывали на нас с неодобрением. Они не общались друг с другом, и нервно слонялись по залу в ожидании результатов.

Потом, как и было обещано, появилась Наташа, и мы все последовали за ней к лифту. Доехав до последнего этажа, нас передали в руки другой девушки, которая провела нас в большой конференц-зал и, усадив, раздала листы.

– Вам необходимо заполнить их, – коротко бросила она и вышла, прикрыв за собой двери.

Я уставилась на бумагу. Это была анкета с типичными вопросами: имя, фамилия, адрес проживания и всё в таком роде. Я посмотрела на Джу – она уже принялась заполнять её.

– Джу, что мне делать? Заполнить анкету? – спросила я, склонившись к ней.

– Заполни, чтобы не возникло лишних вопросов, – кивнула она.

Последовав её совету, я ответила на все вопросы. Когда я закончила, девушка вернулась, собрала анкеты и сообщила своим тонким голоском:

– К вам выйдут через пару минут.

Судя по всему, она не была моделью, но внешне ничем от них не отличалась. "Корпорация красоты, честное слово! – мысленно рассмеялась я. – Наверное, тут не получить рабо-

ту, если твой вес превышает шестьдесят килограмм".

Двери в смежную комнату распахнулись. Высокий мужчина, одетый как лондонский денди, прошёл вглубь волевым шагом. Сразу за ним последовал ещё один, одетый в красную клетчатую рубашку и потёртые джинсы. Они встали рядом, плечом к плечу. Я подняла взгляд на их лица, и моё сердце перестало биться. Передо мной стояли братья-близнецы из моего разбившегося прошлого...

– Добрый день! Не буду томить вас длинными речами, – начал тот, что зашел первым, – у нас есть шесть девушек, с которыми наше агентство готово подписать контракт. Те, кто узнает себя на фотографии, остаются для обсуждения, остальные – свободны.

Его голос доносился до меня как из колодца. Всё тело охватил жар, как при высокой температуре. Тем временем, его брат открыл папку, и, вытаскивая оттуда одну фотографию за другой, демонстрировал их и ставил на стол. Я не могла разобрать, кто на них изображен – всё сливалось в одно большое белое пятно.

Больше я не могла там находиться. Резко поднявшись на ноги, опрокинув при этом стул, на котором сидела, я выбежала из зала. Не помня и не контролируя себя, действуя на автомате, оказавшись на улице, я поймала такси и поехала туда, где можно спрятаться от них.

Глава 6

– Давай просто проанализируем ситуацию, – отправив в рот очередную порцию клубничного мороженого, нарушила тишину Джулейла.

Мы сидим на диване, сложив под себя ноги, и смотрим одно из дурацких телешоу, поедая мороженое. Ещё с юности это – наш маленький ритуал. Если в жизни происходило что-то непонятное, мы покупали мороженое, садились рядом и решали, как нам быть, что делать дальше...

В приюте мы не могли позволить себе дорогое мороженое. Тогда оно всегда было самым дешевым, в маленьких вафельных стаканчиках, но даже такое – радовало нас. Мороженое было нашим любимым лакомством. Съедая его, мы становились счастливее. Теперь оно всегда есть в нашем холодильнике в большом количестве и с разными вкусами.

Я уставилась на свою тарелку: торт-мороженое с фисташками и крошками шоколада, всё как я люблю. Но это не приносило мне радости, не успокаивало и не делало счастливее.

– Ты слышишь? – продолжала Джу, выключив телевизор и стараясь привлечь мое внимание.

– Мы уже говорили об этом, – коротко бросаю я, не отрывая взгляда от тарелки.

Голос выдает моё раздражение, мне не хочется возвра-

щаться к этой теме.

– Но ты не приводишь веских доводов, Ди, понимаешь, какая нам улыбнулась удача? А если это судьба, о которой все говорят? Вдруг вся эта чепуха, что случайности не случайны, правда? Почему бы тебе не попробовать?

К чёрту такую случайность, в придачу с судьбой, удачей и прочей дребеденью! Это – скорее проклятие, чертов закон подлости, сущее наказание, персональный ад, который жизнь уготовила для меня!

С тех пор, как Джу радостно сообщила, что не только она, но и я в числе тех, с кем агентство готово сотрудничать и подписать контракт, меня не покидало постоянное чувство тревоги и ощущение кома в горле. Думаю, что братья не узнали меня, раз готовы предложить работу, но радости эта мысль мне не приносит. В тот день я сама себя не узнавала в зеркале. Что, если они узнают меня потом? Чтобы я ещё когда-нибудь добровольно переступила порог их агентства? Этому не бывать никогда!

Лучше уехать отсюда как можно дальше, чтобы не было этих столкновений. Этот город слишком маленький для нас троих. Смогу ли я ходить по его улицам без страха столкнуться с ними вновь? Ведь эти двое не просто те, кто унизил меня, они – причина моего внутреннего надлома, они – мои раны, мои кошмары, причина моего одиночества... Они – те, кто заставил меня почувствовать себя грязной, виновной в чужих грехах, к которым я не имела никого отношения.

Я заставила забыть себя о них, не думать, не винить... Но встретив их вновь, почувствовала, что все болячки внутри загноились. Словно и не было этих десяти лет, и я опять маленькая девочка, что не в силах им противостоять.

Если бы не Лейла, я бы уже собирала чемоданы, чтобы свинтить отсюда на все четыре стороны. Она была дорога мне, и я не хотела расставаться с ней... Но и поделиться с подругой своим прошлым, рассказать ей, кто эти двое и как я с ними связана, я тоже не могла. Я не хотела, чтобы кто-то знал эту грязную историю о моей матери. Не могу рассказать об этом никому, произнести всё это вслух, ворошить прошлое... Я не верила, что всё это правда, не хотела признавать, а тем более делиться с кем-то тем, чего не знаю до конца. Ведь я не знаю всей правды... Поэтому прочистив горло, я просто отвечаю ей:

– Тебе прекрасно известно, что это всё не мое, Джу. Я – не модель и никогда не хотела ею быть. К тому же, я хочу работать по специальности и завтра же займусь поисками работы.

– Ты не имеешь представления о том, сколько девушек хотели бы оказаться на твоём месте, – возмущенно произносит она. – Деньги, которые ты получишь за этот контракт, тебе пришлось бы кропотливо зарабатывать несколько лет подряд, день и ночь трудясь в какой-нибудь газетёнке.

– Вот ты заработаешь, станешь богатой и со мной поделишься, разве нет? – стараюсь перевести всё в шутку, завершив разговор на неприятную тему.

– Если только все твои статьи будут обо мне, — улыбается Джу.

Я подумала, что она наконец-то сдалась, и обрадовалась, что смогла убедить ее.

– Так, что мы будем делать? Завтра все девушки должны прийти для того, чтобы обсудить нюансы контракта и подписать его... — продолжала она.

– Ничего, я просто не пойду и всё. Они, должно быть, поняли, что мне это не интересно, когда я ничего не сказав, ушла оттуда.

– Нет, все подумали, что ты из числа тех, кто не прошел. А потом всё так закрутилось: мы были на эмоциях от радости, поэтому перенесли всё на понедельник, и никто ничего не заметил.

– Ну и хорошо. Когда я не появлюсь, они просто предложат эту работу другой девушке. Кому-то она нужнее, чем мне.

– Знаешь, Диана, иногда мне кажется, что ты не с этой планеты. Я не понимаю, как можно отказаться от того, что жизнь преподносит тебе на блюдечке?

Я застонала от её настойчивости, облизнула ложку и поставила пустую тарелку на столик.

– Только подумай, как здорово было бы, работай мы вместе. А эти братья, ты видела какие они красавчики? Они такие одинаковые, что я не знаю кого из них хочу, может сразу двоих, а?

– Джу, только не вздумай влюбляться в них, прошу тебя! – резко вскочив и опрокинув при этом тарелку, воскликнула я, – только не в них, черт возьми, не в этих двух!

– Да что с тобой? – она уставилась на меня недоумевающая, – я же просто пошутила, почему ты так реагируешь? Я чего-то не знаю?

– Просто... Я уверена, что они – бабники, меняют девушек по погоде и все такое... Не хочу, чтобы ты страдала.

Своей реакцией я выдавала себя с головой. Джу смотрела на меня подозрительно, прищутив глаза. Я выдохнула, устало опустив плечи. Как же меня злил тот факт, что эти двое вошли в мою жизнь, что мне приходится лгать из-за них...

Следующим утром я проводила Лейлу до остановки и пожелала ей удачи с контрактом. Купив в ларьке несколько газет с объявлениями о работе, я отправилась домой и, удобно расположившись на диване, стала перебирать и записывать подходящие мне вакансии в блокнот. Позвонила по ним, записалась на несколько собеседований. Я была довольна собой, проделанной работой и уверена, что мне удастся устроиться на куда-то без особого труда. Мой диплом был гарантией этому – тех, кто учился за границей, тем более выпускников таких престижных университетов, работодатели всегда ценили и предпочитали местным выпускникам...

Налив себе ароматного чая и сделав пару горячих бутербродов, я прошла в комнату и включила телевизор. Но не успела сесть на диван, как зазвенел дверной звонок. Гля-

нув на электронные часы у телевизора, я нахмурилась: прошло всего два часа с того момента, как я проводила Лейлу в агентство. Странно, что она так рано... И почему она не отрывает дверь своими ключами? Забыла их дома?

Размышляя обо всём этом, я подошла и, не посмотрев в глазок, открыла дверь. Когда я увидела пухлого мужика из агентства у порога, то не поверила своим глазам. Как он узнал мой адрес? И что он вообще тут делает? А он тем временем бесцеремонно прошел внутрь, воспользовавшись моим замешательством.

– Милочка, я что нанимался работать водителем для вас?

Я не понимала, что он имеет ввиду. Радовало только то, что в этот раз с ним не было громкоговорителя.

– Что вы тут делаете? – ответила я вопросом на вопрос.

Пухлый смерил меня презрительным взглядом.

– Это ты что тут делаешь до сих пор? Тогда как два часа назад должна была быть в "Diva Models"? Мы что, должны бегать за тобой? Не понимаю, почему меня вообще просили привести тебя, как будто я водитель какой-то. Ты вообще представляешь себе кто я?

Я медленно покачала головой, но вовсе не от того, что не представляла себе, кем приходится этот человек, а от ужаса оттого, что они послали его за мной! Почему? Узнали кто я? Чего они хотят?

– Я передумала... Передумала работать у вас. Меня это больше это не интересует, прошу вас уходите, – указывая на

открытую дверь, нервно попросила я мужчину.

– Ты что, девочка, не в своем уме? Передумала она! Смерти моей хочешь? Мне моя работа дорога, поняла меня? Терять её из-за тебя я не намерен. Давай собирайся быстрее, расскажешь им об этом сама!

Выражение «земля» ушла из-под ног, наверное, самое правильное состояние в котором я пребывала в данный момент. Мне казалось, что пол качается и уплывает куда-то, или это голову так закружило от нехватки кислорода?

– Послушайте, я никуда с вами не поеду.

– Поедешь, дорогуша!

Пухлый разозлился, тяжело задышал, от чего его ноздри раздулись, и посмотрел на меня так, словно был готов прихлопнуть, как надоевшую муху.

– Если ты не поедешь, то я позвоню и попрошу Имрана приехать сюда, ты сама скажешь о том, что передумала!

Имран... Я впервые слышала это имя, но была уверена, что так зовут одного из братьев. Иного выбора, кроме как ехать туда, у меня не было. Мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то из них пришел в мой дом.

– Хорошо, – хрипло произнесла я, не узнавая своего голоса. – Поеду, только дайте мне несколько минут, чтобы переодеться.

Через сорок минут под строгим надзором пухлого, я вошла в лифт бизнес-центра. Всю дорогу он шёл сзади, будто боялся, что я сбегу. Чем выше лифт поднимался, тем тяже-

лее мне дышалось. Я не знала, что меня ждёт. Знают они кто я или нет!? И как мне выпутаться из всего этого.

Мы вышли из лифта и оказались в просторном холле с современным дизайном.

– Элина, сообщи Имрану, что я привез модель. Он её ждет, – обратился мой провожатый к девушке на ресепшене.

Та дежурно улыбнулась мне, и подняв трубку, повторила слова пухлого.

– Проходите, – сказала она через секунду, указывая на тяжёлую коричневую дверь.

– Давай-давай, – подтолкнул меня вперёд мой конвоир, а сам остался стоять на месте.

Я двигалась по направлению к двери так медленно, словно к моим ногам привязаны стокилограммовые гири. Вспотевшие руки долго не могли справиться с ручкой, пока она не открылась изнутри, и я не оказалась лицом к лицу с одним из близнецов.

– Диана, – добродушно улыбаясь, он пропустил меня вперёд, – вы не пришли к назначенному времени, поэтому я послал за вами Алика. У вас какие-то проблемы?

«Вы – мои проблемы», – подумала я, но произнести вслух не осмелилась.

– Я не пришла, потому, что передумала. Я не хочу работать у вас. Простите...

Я резко развернулась на каблуках, собираясь сбежать, но открыв дверь, ударила о мужскую грудь. Боясь упасть, вце-

пила в плечи входящего мужчины. Аромат дорого мужского парфюма ударил в голову. Ладони, что схватили и удерживали меня за талию, обжигали через тонкую ткань топа. Я отпрянула и, вскинув голову, наткнулась на зловещий взгляд второго близнеца, имени которого я не знала.

– Что за чушь несет Алик? – смотря поверх меня на брата, зарычал он, – говорит, что девушка передумала!?

Покинуть кабинет мне не удалось, поэтому я отошла вглубь на безопасное расстояние от братьев.

– Похоже, что так, — сказал Имран и вопросительно уставился на меня.

– Какого черта!? Что за детский сад? – громко хлопнув дверью, сердито произнес его брат.

– Успокойся, Харун, сейчас Диана, это кстати она, – он указал на меня, – все объяснит.

«Харун и Имран», — я произнесла имена про себя, узнав их спустя столько лет. Две пары одинаковых глаз уставились на меня, а я не могла вымолвить ни слова. Мой мозг включил защитную реакцию: чувствуя страх, я плохо соображаю.

– Твою мать! Ты понимаешь, что из-за этой девчонки у меня может сорваться контракт?

Не дождавшись ответа, Харун развернулся к брату, потеряв всякий интерес ко мне.

– Туба, хочет сделать её своей главной моделью! Шесть месяцев поисков, более сотни моделей, которых ты ей представил – и ни одной подходящей. Пока она не увидела её фо-

тографии! – кивнул он в мою сторону. —Теперь, она готова сотрудничать с агентством и журналом, Имран! А ты мне говоришь, что эта тупая телка отказывается?! Если Туба ее не получит – всё полетит к чертовой матери!

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам. Его голос, слова, как хлыстом по нервам. Они разговаривали так, будто меня тут и нет вовсе.

– Давай ты просто успокоишься. Сейчас она объяснит в чём дело. Диана, что заставило вас передумать? – обратился он ко мне.

Голоса Имрана ниже, спокойнее, он обволакивал, даря умиротворение и спокойствие. Я сглотнула, понимая, что куда в виде моего самоликвидирования из этого кабинета не произойдет. А значит, мне нужно объясниться с ними чтобы уйти отсюда.

– Если честно, произошла ошибка, – сказала я так тихо, что была не уверена в том, что меня расслышали, – Я – вовсе не модель. В тот день я пришла с подругой, но ваш работник, подумал, что я одна из моделей. Я пыталась объяснить, но у меня ничего не получилось. Так я попала на фотосессию, но не думала, что подойду вам, я ведь не модель вовсе, понимаете? Мне очень жаль, что так вышло, – продолжила я чуть громче.

– Тебе жаль? Тебе, блядь, жаль? – наступая на меня, прогремел Харун, но Имран остановил его, преградив собою путь.

– Ты пугаешь ее, Харун! Диана, кто ваша подруга, с которой вы пришли в тот день? – спросил, удерживая брата одной рукой за плечо.

– Джулейла, Лейла, то есть Лейла Ниязи, – ели живая от страха, произнесла я.

– Одна из тех, с кем утром был подписан контракт, – прокомментировал Имран, – брюнетка с голубыми глазами.

Грязно выругавшись, Харун сбросил руку брата со своего плеча. Сняв свой пиджак, швырнул его в сторону, уселся в кресло за рабочий стол и нажал кнопку селектора.

– Пусть Алик зайдет! – рявкнул, сверля меня взглядом.

В дверь постучали, затем она открылась и внутрь юркнул пухлый. Огрев меня недобрым взглядом, он обратился к братьям:

– Чем могу быть полезен?

– Твоя задача – аннулировать контракт с Лейлой Ниязи, – начал Харун, —и позаботится о том, чтобы в базу данных внесли информацию о её непрофессионализме. После этого, она даже туалетную бумагу рекламировать не сможет!

С ужасом я слушала его приказ. Сердце ушло в пятки. Всё, к чему стремилась подруга и наконец достигла с таким трудом, было под угрозой. Выступив вперед и набравшись смелости, сжимая пальцы в кулак, я произнесла:

– Послушайте, она не виновата. Это – моя ошибка, почему вы наказываете её?

Откинувшись в кресле Харун, закинул руки за голову, за-

думчиво посмотрел на меня, ухмыльнулся и с леденящим спокойствием произнес:

– Из-за тебя срываются два контракта в несколько миллионов, пострадает репутация агентства и несколько девушек, которым была обещана работа. Должен же кто-то понести ответственность за это!

– Я готова понести наказание, не нужно впутывать в эту мою подругу!

Мой голос прозвучал неожиданно громко и резко. Вздыхнув, я замерла в ожидании реакции Харуна. И она не заставила себя ждать – он был в ярости. Злоба исходила от него с такой силой, что я чувствовала её вибрацию в воздухе. Приподнявшись из кресла, он обходит внушительный рабочий стол, и медленно, как хищник не желающий напугать свою добычу, движется ко мне.

Мои глаза мечутся по комнате в поисках Имрана. Я жду, что он, как и в прошлый раз остановит брата, но тот, скрестив руки на груди, наблюдает за тем, как его близнец наступает на меня. Мое сердце рвётся из груди. В отчаянии я перевожу взгляд на пухлого, но тот кажется очень доволен происходящим. От беспомощности я медленно отступаю назад, пока не упруюсь спиной в стену. Мне некуда бежать, я загнана в угол. Харун останавливается напротив меня, встаёт слишком близко, так, что мои глаза оказываются на уровне его ключицы.

– Так ты хочешь, чтобы я наказал тебя? – от его вопро-

са исходит двусмысленность, голос пропитан едким ядом и сарказмом.

– Я хочу все исправить! – отвечаю, не поднимая взгляда.

Его близость бьёт по нервам. Боюсь пошевелиться и случайно прикоснуться к нему. Так тихо, что кажется я слышу, как моя кровь течёт по венам.

– Харун, если она хочет все исправить, нужно дать шанс, – раздаётся за его спиной голос Имрана.

Он хлопает брата по плечу, отвлекая его внимание на себя. Харун делает шаг назад, отворачиваясь от меня. Я жадно глотаю воздух, пока никто этого не видит. Он молча направляется назад, садится, вальяжно раскинувшись в кресле.

– Диана, – то как Имран произносит мое имя, ласкает слух, – есть только один способ всё исправить.

Я внимательно слушаю его, вжавшись в стену, жалея, что не могу раствориться в ней.

– Вы должны стать моделью для работы в проекте с дизайнером Туба Ирани.

Он пристально смотрит на меня в ожидании ответа. Внутри меня все рушится. Мое решение держаться подальше от братьев, терпит крах. Необходимость защитить подругу блокирует крики разума о том, чтобы я не смела соглашаться.

Совість твердит о том, что мне прекрасно известно, какого это, когда твои мечты разбиваются. Я не хочу быть причиной, по которой это произойдет с Джулейлой. Она – прирожденная модель. Если у неё отнять возможность заниматься

любимым делом, это её сломает.

– Хорошо... Я согласна, – насильно выдавливаю из себя ответ.

Интуиция, дремавшая всё это время, в истерике кричит, что я открыла первую дверь, ведущую в пропасть...

Глава 7

Я медленно шагаю по центральному парку города. Вокруг мелькают счастливые лица людей, раздаются голоса и веселый смех отдыхающих. Несколько молодых людей, удобно расположившись на газоне, играют на гитаре неизвестную мне мелодию. Прохожу мимо, рассматривая огромные фонтаны, завораживающие своим танцем. Разбрызгивая воду плавными движениями, они дарят ощущение прохлады и свежести.

Сажусь на одинокую скамеечку под деревом, чтобы спрятаться от всей этой суеты. Снова и снова прокручиваю в голове сцену в агентстве.

– А ты уверен, что эта мышь, справится Имран? Лучше выставить обеих, – скучающим тоном обращается Харун к брату после того, как я соглашаюсь работать на них.

Ублюдок называет меня мышью, ехидно разглядывает, играет со мной, провоцируя на новый выпад. Меня всю колотит от желания выцарапать ему глаза, высказать всё, что я о нём думаю, но чувство самосохранения заставляет молчать. Отвожу взгляд, игнорирую его. Я не из тех, кто умеет драться, постоять за себя. Предпочитаю не ввязываться, не замечать агрессоров.

– Алик, ты можешь идти, – кивает головой в сторону двери

Имран.

Пухлый явно разочарован тем, что это увлекательное представление по унижению и запугиванию меня продолжится без него. Он бросает триумфальный взгляд в мою сторону и выходит.

– Если я не ошибаюсь, ты утверждал, что тебе нужен контракт с Тубой. Диана согласна сотрудничать, что сейчас не так?

– Она не внушает мне доверия. Уверен, доставит много хлопот.

Взгляд Харуна медленно перемещается с меня на брата. Его манера говорить так, словно меня здесь нет, металлические вибрации голоса, выводят меня из себя.

– Она будет работать со мной, тебе не стоит беспокоиться об этом, – с нажимом произносит Имран, – можешь назначать встречу с Тубой, мы все обсудим.

Несколько минут близнецы молча смотрят друг другу в глаза. Я догадываюсь, что теперь они ведут немую беседу.

– Хорошо, я займусь этим, – сухо бросает Харун, встав с кресла, и твердой походкой направляется к выходу.

Как только за ним закрывается дверь, я выдыхаю с облегчением. Расслабив спину, отхожу от стены. Имран поворачивается ко мне.

– Я извиняюсь за своего брата, иногда он бывает резким. Заставляю себя кивнуть в ответ. Нервы всё еще скрепят от напряжения.

– Вы сказали, что я буду работать с вами, – озвучиваю я свои мысли. – То есть, я думала, что вы вместе, что это ваше общее агентство...

Замолкаю, понимая, что несу какой-то бред. Имран мягко улыбается мне, в его глазах пляшут веселые искорки. Он усаживается в кресло, где до этого сидел Харун.

– Ты можешь присесть, Диана. Мы ведь можем перейти на «ты»?

– Да, конечно, – отвечаю, продолжая стоять на месте.

– Теперь я вижу, что ты действительно далека от мира моды. Девушки знают нашу биографию лучше нас самих, – с иронией произносит он. – Мой брат – владелец нескольких модных журналов. Наша работа с ним тесно взаимосвязана. Diva Models, которой я руковожу – дочерняя компания его журнала. Проект, в котором тебе предстоит участвовать, будет освещен журналом Style Wedding, но при условии, что моделей отберет лично дизайнер Туба Ирани. Уже несколько месяцев у нас не получается угодить ей. Она утверждает, что коллекция особенная и много значит для неё, и главная модель должна соответствовать.

Пока он говорит, я пытаюсь привести свои мысли и чувства в порядок. Имран не действует на меня как его брат. В его присутствии я могу рационально мыслить.

– Я буду честна, – решаю сразу расставить всё по местам, – я согласилась только из-за подруги, но не уверена, что справлюсь. Мне кажется, будет справедливо предупредить ваше-

го дизайнера о том, что я – не профессиональная модель. И еще... я согласна участвовать только в этом проекте, когда он завершится – я уйду. Но вы должны пообещать, что это не коснётся Лейлы, её вы не уволите.

– Диана, я не хочу, чтобы ты соглашалась по принуждению. Если хочешь – можешь отказаться и уйти прямо сейчас. Я даю слово, что контракт с твоей подругой останется в силе. Харун всегда действует на горячую голову, его я беру на себя... Но мне очень хочется, чтобы ты осталась в нашей команде. Будет интересно поработать с тобой в качестве модели. Я видел твои фотографии – они очень хороши, это я говорю, как фотограф. Уверен, что у тебя всё получится.

Я внимательно слушаю Имрана. Шанс отказаться от съёмок без последствий для Лейлы, который он мне дает мне, очень заманчив, но внутри что-то сопротивляется этому. Мне не хочется выглядеть больной на голову девицей, которая меняет свои решения со скоростью света.

– Я уже согласилась, – отвечаю устало, понимая, что иду сама против себя.

На его губах появляется улыбка, которая касается его глаз, от чего он кажется очень милым...

«Милым!» – одергиваю себя, возвращаясь в реальность. Должно быть, я сошла с ума, раз считаю одного из них милым. Встаю со скамейки, быстро шагаю к остановке, злясь на себя, что допустила такие мысли...

***

Открываю двери, захожу в квартиру и улавливаю в воздухе приятный аромат еды. Печально вспоминаю свои бутерброды, которыми так и не удалось подкрепиться до этого.

– Где ты ходишь, Ди? – доносится до меня голос Лейлы.

Бросаю сумку на тумбочку, снимаю балетки, направляюсь к ней на кухню. Когда захожу, вижу красиво сервированный стол. Джу достает противень из духовки. От запаха еды кружит голову, желудок в предвкушении делает тройное сальто.

– Будем обмывать мой контракт, – довольно произносит она, указывая на французское мясо на противне, – Я купила вино, отпразднуем по-взрослому. Доставай, оно в холодильнике. Так где ты была? Ходила на собеседование?

Я открываю холодильник, нахожу бутылку красного вина.

– Расскажу, но после того, как попробую твой кулинарный шедевр, – улыбаюсь ей, ставя на стол бутылку. – Пойду помою руки.

Захожу в ванную, включаю воду, мою руки, думая, стоит ли рассказывать ей правду о том, что именно заставило меня согласиться работать в агентстве... Ужасно не хочется городить горы лжи, поэтому решаю, что лучше рассказать всё как есть.

Возвращаюсь на кухню. Джу наливает в бокалы вино. Я беру свой, делаю большой глоток, ощущая приятный вкус с едва заметной терпкой ноткой.

– Приходил пухлый. Заставил меня поехать с ним в агентство, когда я сказала, что передумала работать на них. Там

на меня напали близнецы, требуя объяснить в чем дело, почему я передумала. И, конечно же, я облажалась, рассказав им, что всё вышло случайно, что я приходила с тобой, – выдаю я на одном дыхании.

– И что они сказали? – Лейла медленно садится на стул, смотрит на меня расширившимися глазами.

– Один из них – полный псих. Орал, матерился, сказал, что расторгнет контракт с тобой. Ты же знаешь, что я не умею выдумывать ложь на ходу, мне нужно время, чтобы обдумать всё. Вот почему я не придумала ничего лучше, как рассказать правду, – пытаюсь я оправдаться.

– То есть они расторгнут контракт со мной? – севшим голосом спрашивает она.

– Нет, что ты, я не могла этого допустить, поэтому согласилась поработать у них моделью.

– О, Диана! – облегченно выдыхает подруга, – Спасибо! Я понимаю, как это эгоистично с моей стороны, но я не могу потерять эту работу, ты же знаешь, как всё это важно для меня.

– Знаю, Джу, поэтому я и согласилась. Мне всё равно терять нечего, – делаю ещё один глоток и, наконец, опускаюсь на стул.

– Значит, мы празднуем сразу два контракта? – радостно поднимает свой бокал Джу, – Ты тоже будешь моделью в Diva Models, это же так круто!

– Да круто, – притворно улыбаюсь я в ответ.

Мы чокаемся бокалами, я делаю очередной большой глоток, старясь утопить свою горечь в вине...

Утро нового дня заставляет меня сожалеть о вчерашних бокалах вина. Чувствую во рту ужасную сухость, а в ушах – неприятный трезвон, который отдается головной болью.

– Прошу, выруби свой мобильный, – доносится стон Лейлы с соседнего дивана.

Я не сразу понимаю, о чём она, ищу глазами телефон, а когда нахожу, то вижу, что мне звонят. На дисплее высвечивается неизвестный номер. Чертыхнувшись про себя, отвечаю на звонок.

– Диана, – слышу голос в трубке и моментально узнаю его обладателя по интонации, с которой он произносит моё имя.

– Да-а, – хриплю я в трубку.

– Прости, кажется я разбудил тебя. Это Имран. Я звоню, чтобы сообщить, что сегодня в три часа ты должна присутствовать на встрече с Тубой Ирани.

Мысленно проклиная анкету, в которой указала свои координаты. Это похоже на то, как если бы совершив притупление, виновник оставил там свою визитку... Почему я не догадалась написать «левую» информацию?

– Диана, ты слышишь меня?

«Слышу, слышу», – повторяю я мысленно, а в слух произношу:

– Буду к назначенному времени, мне в агентство приехать?

– Да, только поднимайся в конференц-зал, – инструктирует он.

– Хорошо.

Имран прощается. Я ложусь обратно в постель, мечтая никогда не покидать её пределы. Подношу руку с телефоном к лицу, смотрю на время – на дисплее высвечивается двенадцать ноль-ноль. Уже полдень, а не раннее утро, как я думала! Это заставляет меня выскочить из постели и броситься в ванную.

После контрастного душа, чувствую себя бодрой и полной сил. Сушу волосы полотенцем. Никогда не использую фен и прочие вещи, которые могут навредить волосам. Затем иду на кухню, ставлю чайник, завариваю крепкий кофе. Лейла просыпается, вся помятая и сонная, и присоединяется ко мне.

– Думаю, это была наша первая и последняя бутылка. Чувствую себя какашкой...

От её сравнения, у меня вырывается смешок.

– Из агентства звонили? – спрашивает подруга, наливая себе кофе.

– Угу, нужно к трём быть там.

– Мне пойти с тобой? – спрашивает Джу, облокотившись о столешницу, и делает небольшой глоток из чашки.

– Думаю, не стоит вдвоем показываться им на глаза, –жимаю я плечами.

– Да ты права. Тогда с меня – фирменный макияж и при-

ческа.

Лейла весело играет бровями, приподнимая и опуская их. Я снова глупо хихикаю от её манер.

– Просто заплети мне какую-нибудь косичку.

Прихорашиваться на встречу с близнецами и их дизайнерам мне абсолютно не хочется.

***

Без двадцати три я стою в холе конференц-зала, где нас собирали в первый раз для того, чтобы сообщить о результатах фотосессии. Девушка на ресепшене говорит мне, что нужно подождать. Сажусь в одно из мягких красных кресел и натыкаюсь на своё отражение в огромном зеркале напротив.

На мне белое платье-клёш, волосы заплетены Джулейлой в мудрёную косичку. Лёгкий ненавязчивый макияж, на котором она настояла, не замечен, но выгодно подчеркивает черты моего лица. Ноги облачены в бежевые туфли на небольшом каблучке, в руках маленький клатч желтого цвета. Я остаюсь довольна своим внешним видом...

Лифт подает сигнал перед тем, как открыться, я смотрю на него и вижу, как один из близнецов, выходит оттуда. Лихорадочно пытаюсь понять: Имран это или Харун.

Мужчина одет в тёмные брюки и коричневую рубашку поло. Должно быть, это Имран. Второй – всегда в деловом костюме. Он замечает меня, и его губы трогает лёгкая улыбка. Невольно я улыбаюсь в ответ, понимая, что передо мной Имран.

– Привет, пойдём в кабинет, – останавливаясь возле меня, говорит он.

Я встаю и следую за ним. Мы оказываемся в просторном помещении с длинным столом и стульями. На стене – огромный плазменный экран, должно быть, используемый для презентаций. В углу – ряд комнатных растений, похожих на деревья.

– Присаживайся, где тебе нравится, – указывает он на стулья.

Я отодвигаю ближайший к себе и сажусь. В это время двери с грохотом открываются, и в кабинет втекают несколько одинаково одетых девушек с папками в руках. Сразу за ними входит дама, от вида которой я просто лишаюсь дара речи. На её голове огромная красная роза. Даже не представляю из чего она сделана, и как она там держится. Яркий, кричащий макияж, длинные свисающие сережки, чёрно-красное платье из фатина с рюшами – всё это просто поражает своей эксцентричностью.

– Имранчик, котёнок, – голосом оперной певицы произносит она, целуя его сначала в одну, потом в другую щеку.

Потом поворачивается, смотрит на меня, медленно двигаясь в мою сторону. Я встаю со своего места. Она подходит ближе, обходит меня со всех сторон. Её глаза детально изучают моё лицо и фигуру.

– Теперь ты понимаешь, Имранчик? Понимаешь, что я искала? – женщина смотрит на него, обхватив ладонью моё ли-

цо, – Ты видишь это? Видишь девственность и невинность, которая исходит от неё? Вот, что мне было нужно!

– Я думал девственность чувствуют, а не видят, – раздаётся издевательский голос.

Я чувствую, как краска заливает моё лицо. Мне не нужно поворачиваться, чтобы узнать кому он принадлежит.

– Если только, она имеет место быть, – добавляет он, бросая какие-то бумаги на стол и усаживаясь за него.

– Харун, львёночек, я не о физической девственности. Я об ауре, которая исходит от неё. Посмотрите, какой чистый взгляд, – она поворачивает мою голову к нему, удерживая за подбородок.

Мои глаза, встречаются с его. Приподняв одну бровь, Харун многозначительно ухмыляется. Заскрипев зубами, я плавным движением головы вырываюсь из цепких рук Тубы Ирани и делаю шаг назад. Что в конце концов тут происходит? Эта женщина обращается со мной как со скаковой лошадью на выставке.

– Вот какую девушку я искала, – она снова кружит вокруг меня. —С таким светлым обликом, понимаете? Которая будет выглядеть как настоящая невеста в моих платьях. А не те девицы с взглядами уголовниц и путан, которых вы пытались мне подсунуть.

Имран, до этого молчавший и, видимо, как и я, пребывавший в шоке от бестактности дизайнера, откашливается.

– Кхм... Туба, может мы начнем? Нам нужно многое об-

судить, но сначала ты должна знать, что Диана – не профессиональная модель. У неё нет никакого опыта в нашем деле.

– О, котенок, это пустяки. До недели мод в Нью-Йорке еще три месяца. Я уверена, твои люди научат всему необходимому эту белочку.

Белочка, серьезно? За такой короткий период я эволюционировала от мышки до белки, замечательно! Котёнок, львёнок и белочка – отличная компания собралась, однако...

Глава 8

Все понедельники дерьмовые. И вторники, и среды... И вообще, все дни недели, если ты ненавидишь свою работу, а она отвечает тебе взаимностью.

Я – одна из этих великих неудачниц, с кем приключилась эта беда. Я ненавижу агентство Diva Models, которое теперь переименовано мною в Devil Models[1]. Это место – настоящая обитель зла и ненависти, которые обрушилось на меня лавиной, и с каждым днем набирают обороты, становясь больше и больше.

Меня ненавидят все модели агентства, потому, что я выбрана главной моделью для дизайнера Тубы Ирани, а они нет... Меня ненавидит пухлый, потому что я посмела обманым путем проникнуть в мир моды, где по его мнению мне совсем не место... Фотографы меня ненавидят потому, что я не могу менять позы и эмоции по щелчку их пальцев, отчего я признана скованным бревном, с которым невозможно работать, только время терять... Так же меня ненавидят костюмеры, визажисты, стилисты, менеджеры, секретарши и даже технички, потому что ненавидеть меня нынче модно...

Я, фигурирующее лицо в сплетнях агентства, награждена такими титулами, как «шалава», «курица», «выскачка»... Постоянные косые взгляды, шёпот за спиной, недоволь-

ство персонала – вот условия, в которых мне приходится работать.

Моя жизнь никогда не была сахаром, но то, что творится со мной сейчас – сущий кошмар! У меня нет желания просыпаться и идти туда, терпеть насмешки и недовольство окружающих... Я проклинаю тот день, когда поставила свою подпись в контракте, из которого следует, что я должна сотрудничать с ними год. Целый год каторги... А я уже на грани, на пределе. Нервы истощены, терпение на исходе, и это только за неполный месяц работы...

– Диана, – Лейла трясет меня за плечи, прерывая размышления, – не будь ребенком, я знаю, что ты проснулась, вставай, нам нужно идти, опоздаем.

Я продолжаю лежать с закрытыми глазами, притворяюсь, что сплю. Она стягивает одеяло, ловко хватая меня за ногу и тащит из постели вниз. Я кричу и упорно хватаюсь за края дивана, не собираясь сдаваться без боя. Так она будит меня каждый день. Подозреваю, что отыгрывается за годы в приюте, когда я таким же образом заставляла её идти на занятия.

– Оставь меня, женщина, – говорю театральным голосом, – я предпочитаю умереть!

– Алик сожрет нас и не подавится, – давит она на психику. – Сегодня фотосессия для журнала, нужно быть вовремя.

– Ненавижу, – хнычу я и сдаюсь, резко расцепив пальцы. Лейла делает очередной рывок в свою сторону, и я оказываюсь распростертой на полу.

– Хорошая девочка! Теперь иди пописай, умойся и не забудь почистить зубки. А я выберу, что надеть.

Она гладит меня по голове, издевается, говорит со мной как с ребенком.

– Сколько ещё они будут меня ненавидеть? – безнадежно спрашиваю её, сажусь и обнимаю руками ноги.

– Диана, даже я, будучи твоей подругой, завидую твоему положению. Многие девушки работают годами, но так и не получили возможности побыть в роли главной модели, а ты ничего для этого не делала, понимаешь? Ты – лицо бренда с мировым именем, а это значит, что приходится быть в центре модной индустрии, вращаться в кругах самых легендарных личностей мира моды, выступать на телевидении в различных телешоу, давать интервью, посещать закрытые вечеринки... После недели моды в Нью-Йорке ты станешь знаменита. Поверь мне, тут есть чему завидовать и за что ненавидеть!

– Мне всего этого не нужно, – шепчу я про себя.

Я в капкане, в который попала по своей же глупости. Мой мозг отказывается принимать то, что можно кого-то ненавидеть за его успех. Я – не такая. Не умею завидовать, и ненавидеть тоже не умею... Но являюсь объектом для ненависти, а это давит на психику, заставляя чувствовать себя беспомощной...

– Диана, если через пятнадцать минут ты не будешь готова, я пойду одна! – переходит на шантаж Лейла.

Я встаю и демонстративно выхожу из комнаты. Выполнив весь перечисленный ей утренний ритуал, я возвращаюсь и готовую вижу для выхода Джу. На ней бирюзовое облегающее платье без бретелек, безупречный макияж и стильно уложенные волосы. На диване лежит шёлковое платье цвета сирени – одно из её новых приобретений.

– Ты же это не для меня приготовила? – возмущаюсь я.

– Для тебя. Как говорит Алик, теперь ты – лицо Diva Models, и должна выглядеть подобающе.

Чертов пухлый! Я уже решила, что свой гонорар потрачу на киллера для него.

– Давай, садись, – указывает она на стул.

Я, как заключенный, подчиняюсь и она начинает колдовать над моим макияжем.

– Умоляю, только не переборщи! Соседи начинают думать, что мы проститутки.

Она смеётся, и я, не сдерживаясь, присоединяюсь, вспоминая какими взглядами нас провожают бабушки, сидящие у подъезда на лавочке. Думаю, они на самом деле считают нас девушками легкого поведения, но я их не виню...

Закончив с макияжем, она расчесывает мои волосы.

– Всё, оставим их распущенными. Надевай платье.

Тяжело вздохнув, встаю, беспрекословно следуя её указаниям. С трудом натягиваю на себя платье, которое доходит до колен и облегает тело так, что я сомневаюсь смогу ли шагать в нем.

– Всё, Ди, выходим, такси уже ждет, – кричит она из кухни.

Я иду в коридор, и пока надеваю черные босоножки на высоком каблуке, с тоской смотрю на свои балетки. В ушах звенит истошный вопль пухлого: «Никаких балеток, кроссовок, сланцев. Всю обувь, что ниже десяти сантиметров, выброси в мусор!»

Джу присоединяется ко мне, надевает свои туфли, и мы выходим из квартиры и садимся в такси. В последнее время мы передвигаемся именно таким способом. Ездить в общественном транспорте в таком виде не совсем уместно.

– Говорят, сегодня Харун Малик возвращается, – шепчет Лейла, когда машина трогается с места.

– Он что куда-то уезжал?

В последний раз я видела его на встрече с Тубой Ирани. После этого, к счастью, мы с ним не сталкивались.

– Его не было около двух недель, поэтому наш босс занимался ещё и его делами.

Теперь понятно, почему Имран редко появлялся на съемках.

– У них мать находится за границей. Лечится там в какой-то клинике. Они часто ездят к ней, – продолжает она.

– Она что болеет?

Вопрос вызывается сам собой. Перед глазами возникает её образ: как она кричит на деда, когда один из близнецов уводит ее и сажает в машину...

– Ди, я не знаю на сколько это правда, но кажется, у неё не все в порядке с головой. Тами, девушка которая мне это рассказала, утверждает, что она уже долгие годы находится в клинике.

По моему телу проходит неприятный холодок, становится не по себе... Лейла рассказывает что-то еще, но я её уже не слушаю. Мысли уносят меня в прошлое. Страшная догадка о том, что послужило для нее психологической травмой сдавливает горло...

– Давай, Ди! – Джу толкает меня.

Я выхожу из оцепенения и вижу, что мы уже на месте. Открываю дверь машины, выхожу. Лейла расплывается с таксистом и следует за мной. Вместе мы идем к зданию агентства.

– Явились, дамочки, – звучит голос пухлого в громкоговоритель, когда мы заходим на площадку для съемок.

Он сидит на высоком стуле, контролируя процесс. Одетый как всегда во все цвета радуги, он выглядит нелепо, но от этого его самомнение ничуть не страдает.

– Чего замерли? Быстро переодеваться! – снова раздается его голос.

Быстрым шагом мы пересекаем площадку и заходим в гримёрную. По условиям контракта я участвую во всех съемках, организованных Diva Models. Но мои фото не могут публиковать, так как я являюсь лицом бренда Тубы, и в других проектах до открытия недели моды появиться не могу.

Подготовка к работе идет полным ходом. Вокруг хаос, где каждый занят своими обязанностями, но все действуют слажено и быстро. Я сажусь на свое место, и ко мне тут же подходит одна из визажистов поправить макияж.

– Готово. Лейла, ты оставишь меня без работы, – поворачиваясь, говорит она подруге.

Джу улыбается и подмигивает ей. В отличие от меня, она нашла общий язык со многими в агентстве. Рядом появляется девушка, которая отвечает за наряды для съемок.

– Если вы готовы – пойдете, – приглашает она.

Я следую за ней и захожу в примерочную. Она открывает коробочку, аккуратно достает оттуда черный бюстгальтер, украшенный мелкими стразами, и крошечные трусики. Я смотрю на нее с удивлением.

– Что это?

Она прочищает горло, перед тем, как ответить:

– Это нижнее белье от Skarlet.

– Я вижу! – огрызаюсь я. – Фотосессия в нижнем белье?

Она утвердительно кивает. Я же понимаю, что ни за что на свете не смогу этого сделать! Стоять в одном нижнем белье перед малознакомым мужчиной, даже если он всего лишь фотограф!? Я и так нервничаю, когда приходится позировать, а если на мне будет только это – я и с места сдвинуться не смогу.

– Я не буду это надевать, – твердо говорю я, поворачиваясь и выхожу из кабинки.

Девушка выходит следом, ничего мне не отвечая. Я лихорадочно ищу выход из этой ситуации, но в голову ничего не приходит. Оглядываюсь вокруг, ищу Лейлу. Но её нет среди других девушек, которые спокойно выходят из примерочных в нижнем белье и направляются на площадку.

Я в панике, не знаю, куда себя деть. Уйти незамеченной у меня не выйдет. Для этого нужно пересечь съёмочную площадку. Не успеваю как следует обдумать эту мысль, как двери гримерной с грохотом открываются и туда заходит пухлый, а следом за ним мой костюмер.

– Ты что это удумала? – гневно кричит он в громкоговоритель, от чего мои барабанные перепонки едва не разрываются.

– Я не смогу в этом фотографироваться, – отвечаю я.

Он встает напротив, уперев руки в бока, и тяжело дышит. Я оглядываюсь вокруг: все наблюдают за нами, позабыв о своих делах. У открытых дверей примерочной столпились все, кто находится на площадке.

– Ишь, ты какая скромница, не может она, – фыркает кто-то из девушек.

Вслед за ней начинают возмущаться остальные. Рой их голосов звучит в ушах, отдельные слова, вырванные из контекста, не несут в себе ничего хорошего. Но меня это не пугает, в отличие от того, что придется фотографироваться полуобнаженной.

– Что тут происходит? – раздается мужской голос.

Все разом замолкают. Я поворачиваю голову и вижу Харуна. Сердце перестает биться, только его сейчас тут не хватало...

Он стоит у входа, в окружении девушек, одетых в нижнее белье из коллекции и готовых к съёмкам, и смотрит на пухлого. Харун выглядит уставшим: белая рубашка помята и закатана до локтей, глаза покраснели, будто он не спал несколько дней подряд.

– Алик, почему съёмки еще не начали?

Харун оглядывает меня с головы до ног и вопросительно смотрит на пухлого.

– А как тут начнешь, когда эта девчонка постоянно срывает все съёмки? Она же принцесса, что хочет, то и делает, и никто ей не указ. Сейчас отказывается фотографироваться в нижнем белье, – отвечает тот и отходит от меня. – Я не могу работать с ней, Харун, она слишком многое себе позволяет!

Я в изумлении смотрю на него. Когда это я срывала съёмки? Это – первый раз, когда я отказываюсь от них.

– Она ведет себя так, словно чем-то лучше нас.

– Если она не будет фотографироваться, то почему мы должны?

– Строит из себя святошу!

Из толпы то тут, то там раздаются возмущённые голоса девушек. Я смотрю на них, пребывая в шоке от того, как они всё перевернули против меня. Харун подходит ко мне и встанет напротив, где до этого стоял пухлый.

– В чем твоя проблема? – произносит он четко, выговаривая каждое слово.

– Я не могу в этом фотографироваться, – ненавидя себя за дрожащий голос, отвечаю я.

– Почему? Что у тебя есть такого, чего нет у остальных девушек?

Я молчу, отвожу от него свой взгляд, и он упирается в Джу, стоящую посреди других девушек. Её лицо выражает сочувствие.

– Я спрашиваю, что у тебя есть такого, чего мы все ещё не видели? – кричит он.

Я вздрагиваю от его голоса и отхожу на безопасное расстояние. Глаза наполняются непрошеными слезами.

– Стыдливость, – вырывается у меня.

Я, чувствую тёплую влагу на своих щеках, ненавижу себя за слабость, за то, что плачу.

– Я стесняюсь. Не могу стоять раздетой перед фотографом, – стараюсь объяснить я сквозь слезы.

Слышу смешки девушек, и мне хочется провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе, быть где угодно, но только не здесь. Со злостью смахиваю слёзы с лица.

– Где ты по-твоему находишься? В монастыре? Если ты стесняешься, то нужно было податься туда!

Поднимаю взгляд, смотрю в его жестокие беспощадные глаза, и мне кажется, что меня засасывает трясина. Чувствую, как теряю контроль.

– Ножницы мне, – впиваясь в меня взглядом, повышает он голос.

Я впадаю в замешательство, не понимая значения его слов. Ножницы? Зачем? В следующую секунду в его руках появляются огромные ножницы. Я медленно пячусь назад, следя за его действиями. Не понимаю, что чего он хочет.

Схватив меня за запястье, Харун останавливает меня и тянет на себя. Я срываюсь с места, ударяясь о его грудь. Делаю шаг назад, пытаюсь сделать ещё один, но перед моим лицом возникают ножницы. Я застываю в ужасе. Он засовывает ножницы за вырез на груди и начинает резать платье, обнажая грудь и живот, после чего выкидывает их на пол и хватает свисающую ткань, а остальное рвёт руками. Я не сопротивляюсь, потому, что заторможена от шока, руки и ноги отказываются подчиняться мне...

Вокруг стоит оглушительная тишина. Такая, что я слышу, как мои слёзы каплют на пол. Я ничего не чувствую, меня нет, просто пустая оболочка. Словно со стороны наблюдаю за тем, как он снимает с меня то, что осталось от платья, и я остаюсь в одном нижнем белье... Оглядываюсь вокруг, перед глазами всё плывет, вижу только размытые лица, в ушах стоит хохот девушек...

– Тебе помочь переодеться, или сама справишься?

Его стальной голос вливается в мозг, и это последнее, что я слышу перед тем, как тело обмякает, и на меня опускается сплошная темнота...

[\[1\]](#) Игра слов. В английском языке слово Devil означает «ДЬЯВОЛ».

Глава 9

– Какого черта! Довёл до обморока... Спятил! Просто сва-
ли и отоспись! Грёбанный псих!

До меня доносятся обрывки фраз братьев, отдаются в го-
лове протяжным эхом. Чувствую слабость во всём теле и
сухость во рту. С трудом размыкаю тяжёлые веки – ничего
не вижу, всё мутно и расплывчато, перед глазами появляет-
ся темное пятно... Я закрываю глаза, а когда открываю их
снова, зрение восстанавливается. Вижу, склонившееся надо
мной мужское лицо, в его глазах плещется сожаление и бес-
покойство.

– Диана, как ты? – произносит Имран, голос которого я
узнаю по ласковой интонации.

Оказывается, я лежала. Медленно приподнимаюсь и са-
жусь. Память возвращается ко мне вместе с воспоминания-
ми. Оглядываюсь вокруг, чтобы узнать, где это я нахожусь,
но упираюсь взглядом в Харуна, который наблюдает за мной,
сидя на кожаном офисном диване. Перед моим внутренним
взором мелькают картинки того, как он разрывает мое пла-
тье...

Суть всего происходящего обрушивается на меня в один миг. Я оглядываю себя и прихожу в ужас от того, что нахожусь перед близнецами в нижнем белье. Инстинктивно закрываюсь руками, лихорадочно ищу, чем можно прикрыться, испытывая идиотское чувство облегчения от того, что я в приличном белоснежно-кружевном комплекте, а не в трусах со Спанч Бобом.

– Держи, – Имран протягивает мне чёрный пиджак.

Не раздумывая, выхватываю пиджак из его рук и надеваю на себя, укутываясь. Чувствую себя неловко и неудобно, всё лицо пылает от жара.

– Ты в порядке? – спрашивает он, – тебя принес сюда Харун, ты потеряла сознание. Может нужно вызвать врача, что-то болит?

Я определенно не в порядке, но, тем не менее, отрицательно качаю головой.

– Нет, не нужно, со мной всё хорошо, – мой голос звучит хрипло и неуверенно.

– Я предупреждал, что от неё будут одни проблемы. Падает в обморок на ровном месте! Что с ней будет, когда выйдет

на подиум? – лениво спрашивает Харун, устало откидываясь на диване и прикрывая глаза.

В его голосе нет и тени сожаления от содеянного. Я перевожу взгляд на Имрана, желая защититься от обвинений его брата, рассказать о том, что произошло, но встречаю в его глазах понимание, словно он и так всё знает, и мне нет нужды объясняться.

– Поезжай домой, отдохни, – игнорируя речь брата, обращается он ко мне. – Я не могу тебя сейчас отвести, у меня совещание. Тебя может кто-нибудь забрать?

– Эм... Спасибо... Я поеду на такси, – отвечаю я и встаю с места.

Пиджак едва прикрывает мои ягодицы. Взгляд Имрана падает на мои ноги, но он быстро отводит его в сторону, поворачивается ко мне спиной и шагает к своему рабочему месту.

Я мельком смотрю на его брата – тот продолжает сидеть с прикрытыми глазами, склонив голову на спинку дивана.

– В таком виде на такси небезопасно. Позвони родным, пусть привезут тебе одежду, – говорит, садясь в кресло, Имран.

– У меня, – прочищаю горло, – никого нет, только Лейла. Но она на съёмках.

Имран хмурит лоб, озадаченно смотрит на меня, но не задает никаких вопросов.

– Ладно, я перенесу совещание, – тянется он к телефону.

– Я отвезу её, не нужно откладывать совещание, – раздаётся жесткий голос Харуна.

Я округлившимися глазами смотрю в его сторону. Тот открывает глаза, наклоняется вперед и встает с дивана. Я прихожу в ужас от такой перспективы.

– О, нет-нет, не нужно. Я сама доберусь. Подожду Лейлу, мы что-нибудь придумаем, – бормочу я сбивчиво, мотая головой из стороны в сторону как заведенная кукла.

– Твоя подруга на съёмках, – твердит Харун и смотрит на меня, зло шурясь. – И неизвестно, сколько они продлятся. Если ты не хочешь работать, то позволь хотя бы остальным заняться своими обязанностями.

Я не нахожу, что ответить. Виновато опускаю голову, об-

нимая себя руками.

– Диана, в сложившихся обстоятельствах это – наилучший выход. Харун доставит тебя домой, в целости и сохранности, – делая акцент на последних словах, говорит Имран, переводя взгляд на брата.

Они смотрят друг на друга, словно ведут немую битву, отчего мне становится как-то не по себе.

– Конечно доставлю столь ценного сотрудника, – скалится Харун.

Его голова чуть запрокинута назад, на губах играет лёгкая ироничная усмешка. После чего он разворачивается и не спеша пересекает кабинет. Я смотрю ему в спину и замечая, что его походка не такая как у Имрана. Харун вышагивает так, словно делает одолжение всем окружающим.

– Диана, тебе лучше поторопиться, – кивает головой Имран в сторону брата.

– Да, я пойду, спасибо.

Неуверенно шагаю вслед за Харуном. Каблуки усложняют мою задачу, я догоняю его лишь у дверей. Он выходит, я

высовываю голову в дверной проем, рыскаю глазами, но вижу только секретаршу, которая что-то печатает. Быстро выскальзываю из кабинета и догоняю Харуна у лифта. Неуверенно переминаясь с ноги на ногу, одной рукой тяну пиджак ниже. Металлические двери раскрываются, я вижу своё отражение в зеркале кабины лифта и краснею: волосы в полном беспорядке, из-за каблуков ноги смотрятся бесконечно длинными, выгляжу совершенно распутной...

Заходим в кабинку, он нажимает кнопку со знаком парковки и лифт едет вниз. Я же молюсь, чтобы он не останавливался на этажах. Что подумают люди, увидев меня в таком виде? Но моим молитвам не суждено сбыться, потому что не успевают они долететь до небес, как лифт останавливается и впускает новых пассажиров. Трое мужчин в смокингах переговариваются между собой, но замолкают при виде меня. Они рассматривают меня с головы до ног. На лице Харуна полное безразличие к происходящему, как будто меня тут и нет вовсе. Посчитав, что мы не вместе, мужчины, не стесняясь, пожирают меня глазами, улыбаются и подмигивают мне. Я же, не зная куда себя деть от стыда, кажется, медленно плавлюсь. О, Боженька, миленький, за что ты меня наказываешь?

Всё это продолжается до тех пор, пока Харун не встает таким образом, что я оказываюсь у него за спиной. В боковом

зеркале лифта я вижу его свирепый взгляд, который пугает не только меня – лица мужчин заливаются краской, один из них ослабляет галстук, прочищает горло. Друг за другом они разворачиваются к нам спиной. Двери лифта снова открываются, но на этот раз никто не заходит, а мужчины покидают кабинку.

Вниз мы едим одни. Я остаюсь стоять за спиной Харуна практически вплотную к нему. По моему телу разливается приятное тепло, сердце отплясывает в странном ритме... Испугавшись своей реакции, я отскакиваю назад и ударяюсь о стенку лифта. Харун поворачивает голову, смотрит на меня через плечо, но ничего не говорит. Двери лифта вновь открываются, он выходит, и я, выровняв дыхание, выхожу следом.

Мы идём по подземной парковке. Он шагает впереди, я маячу сзади. Харун останавливается у большой белой машины, достает из кармана ключи, снимает её с сигнализации и садится. «Не бойся, никто и не сомневался, в том, что ты – не джентльмен!» – фыркаю про себя. Подхожу ближе, читаю логотип на кузове —Land Rover. Знаю, что не дождусь приглашения, поэтому просто открываю заднюю дверь со стороны пассажирского сиденья и влезая в машину. посылая про себя очередное проклятие в сторону того, кто придумал носить туфли на каблуках. Машина трогается с места, мы вы-

езжаем из парковки, и только после этого он спрашивает:

– Где ты живешь?

– В шестнадцатом районе, корпус 315, – отвечаю я и с наслаждением замечаю, как он поджимает губы, когда я называю адрес, ведь этот микрорайон находится на окраине города, путь до него не близкий и славиться отвратительными дорогами.

Мои ноги ломит от боли. Не в силах терпеть, я наклоняюсь и снимаю туфли. Едем мы в полной тишине. «Злыдень, мог бы и радио включить», – думаю про себя, наблюдая из-под ресниц за тем, как он сосредоточенно ведёт машину. Перевожу взгляд за окно, не хочу быть пойманной на том, что наблюдаю за ним.

Только утром я думала о том, как всё ужасно в моей жизни, но даже не догадывалась, что всё может быть ещё хуже. Теперь я стала посмешищем для всех. Как после такого мне появляться в агентстве? Может, бросить всё к черту и скрыться в неизвестном направлении куда-нибудь на необитаемый остров, или в сельскую глубинку к коровушкам? Не важно куда, главное подальше от мира, где я вынуждена вращаться...

Отгоняю от себя глупые, несбыточные мечты: раз влезла в это, нужно набраться сил и храбрости и довести дело до конца. Только, где эту храбрость взять? Каждый раз трясусь от страха, когда вижу его, мямлю как двоечница у доски... И почему только он всегда выглядит таким злым? Ко всем девушкам он так относиться или только ко мне? Может чувствует, кто я? Что было бы, если бы узнал? Он и так меня не выносит, а если узнает кто я – задушит, наверное.

Не удержавшись, бросаю взгляд в его сторону. Харун внимательно следит за дорогой, держа руль одной рукой. Другая сжата в кулак, мышцы напряжены, и моё воображение рисует безумные картины того, как эти руки сжимают мое горло... Сглатываю, прикрываю глаза, чтобы отогнать эти от себя эти мысли, но это не помогает. Теперь перед глазами другая картина: то, как он рвет этими руками мое платье... «А оно ведь было совсем новое, и не совсем моё», – с досадой думаю я.

Машина останавливается, и я распахиваю глаза. Неужели доехали? Так быстро? Выглядываю в окно – мы находимся на пустынном пляже у какой-то хижины из камыша, и нервно выпрямляю спину. Что мы тут делаем, зачем он сюда заехал? Нехорошие догадки проскальзывают одна за другой. Харун поворачивает ключ зажигания, и машина глохнет. «Он же не собирается меня изнасиловать? А может им известна правда обо мне, и они это всё подстроили, чтобы

убрать меня!» – паникую я.

Харун выходит из автомобиля. Я тут же нажимаю на кнопку, блокируя сначала свою, а затем и соседнюю дверь, словно это может хоть как-то обезопасить меня. Но, к моему удивлению, он направляется к хижине, откуда выходит седой старик и улыбается ему. Они пожимают друг другу руки, обнимаются и говорят о чём-то. Старик видимо зазывает его внутрь, но Харун показывает на машину, и тот, кивая, уходит. Харун идет обратно, но не садиться в машину, а дёргает ручку заднего сидения. Она не поддается, и он посылает мне гневный взгляд через окно. Мое оцепенение сразу же улетучивается, я нажимаю кнопку, и дверь открывается.

– Выходи, – рычит сквозь зубы.

– З-зачем? – спрашиваю я, запинаясь.

Он щурит глаза, впиваясь в меня взглядом, но не отвечает на мой вопрос, а ждет, когда я выполню его приказ.

– Тебе помочь? – угрожающе спрашивает он.

Я моментально выхожу из машины. Босые ноги тонут в песке. Я с силой сжимаю полы пиджака. Харун захлопывает двери, поворачивается и идёт к хижине. Я плетусь за ним, не

понимая, какого дьявола происходит, что он задумал?

Мы заходим в хижину. Вижу несколько деревянных столиков, за один из которых и садится Харун. Я заторможено стою у входа, но услышав шаги, на цыпочках подбегаю и сажусь напротив, пряча под столом наготу ног.

Из соседнего помещения выходит пожилая пышнотелая женщина в фартуке. Её лицо освещает теплая улыбка, светлые глаза излучают доброту.

– Харун, – ласково, с любовью говорит она, – ты вернулся, мой мальчик.

Мой спутник встаёт со стула, приветствует её, позволяет обнять себя.

– Кто эта юная леди? – спрашивает женщина на английский манер, разворачиваясь ко мне лицом. – Неужто твоя возлюбленная?

– О, нет, – нервно восклицаю я, протягиваю руку. – Диана.

Она пожимает мою ладонь, и на несколько секунд её взгляд задерживается на моём пиджаке, после чего возвращается к Харуну.

– Ладно, милый, я на минутку. Хотела поприветствовать тебя. Сейчас все будет готово. Сафар сказал, что ты очень голоден, – тараторит она быстро, а затем исчезает из виду.

«Нормально? Не мог меня сначала довезти, а потом уже утолять свой голод?» —недовольно думаю я и осматриваюсь. Интересное место, никогда бы не подумала, что в этой хижине кафе. На входе нет никакой вывески, да и находится она на пустынном, заброшенном пляже. Судя по теплomu приему, похоже на то, что эти люди – просто его хорошие знакомые, но он даже им не улыбнулся. «Хмурый тип», – думаю я, морща нос.

– Сначала выпейте чай.

На столе появляются два грушевидных стакана и чайничек, следом рафинированный сахар и варенье из инжира. Смотрю на стаканы и вспоминаю деда, он пил только из таких...

– Дочка, ты знаешь в чём уникальность этих стаканов? – обращается ко мне мужчина, который встречал Харуна, видимо заметив мою заинтересованность ими.

Я киваю и улыбаюсь, вспоминая, как однажды спросила

об этом деда, и он терпеливо объяснял, попивая чай.

– Вот в этой части, – показываю на верхнюю часть стакана, – чай быстрее остывает, а нижняя дольше хранит тепло, поэтому чай охлаждается не сразу. А ещё, не требуется много времени, чтобы допить содержимое такого стакана, поэтому вкусовые качества чая не теряются, – заканчиваю я с важным видом, непроизвольно улыбаясь старику.

– Все верно, дитя, – одобрительно говорит он, подмигивая мне, наливает чай в стакан, ставит его передо мной и уходит.

Я продолжаю улыбаться. Потом вспоминаю, где я нахожусь и с кем, и улыбка исчезает с моего лица. Из-под опущенных ресниц поднимаю взгляд на Харуна – на его лице непроницаемая, ничего не выражающая, маска... Он не спеша попивает чай, я же молча сижу напротив.

Через несколько минут парочка возвращается вместе с подносами в руках. На столе один за другим появляются тарелки с закуской, зеленью, домашним сыром, ароматным свежеиспеченным хлебом. Но главным блюдом служит жаренная рыба.

– Приятного аппетита! – хором произносят они, оставляя нас одних.

Харун принимается за еду, но замечает, что я бездействую.

– Ждешь особого приглашения? – приподнимает он одну бровь.

– Спасибо, я не хочу, – отказываюсь я.

В его присутствии мне кусок не лезет в горло. Живот громко протестует, напоминая о том, что я даже не завтракала.

– Похоже, твой желудок так не думает, – иронизирует Харун.

Я краснею, беру стакан с чаем и делаю небольшой глоток, пытаюсь ввести в заблуждение свою пищеварительную систему. Больше Харун не обращает на меня никакого внимания, жадно поглощая всё, что находится на столе. Чёртов садист! Это самая изощрённая пытка... Приятные ароматы заставляют меня глотать слюнки. Когда он завершает свою трапезу, я нахожусь на грани еще одного обморока.

Достав бумажник, он оставляет две сотни долларов под тарелкой. Встает, и я поднимаюсь за ним следом. У выхода к

нам присоединяется супружеская пара. Я стыдливо опускаю взгляд, прячась за спиной Харуна. В жизни не испытывала такого позора, что они сейчас обо мне подумают?

– Диана, это тебе, – произносит женщина, подходит ближе, и протягивает мне белый пакет.

– О...

Не нахожусь, что ответить, беру пакет из её рук, заглядываю в него и вижу контейнер с жареной рыбой и хлеб, от которого исходит тепло и аромат свежей выпечки

– Оу... Спасибо, не стоило беспокоиться! – смущаюсь еще больше.

– Я видела, что ты не притронулась к еде, а я не отпускаю никого, пока он не отведаст моей рыбки по особому рецепту. Сафар её сам ловит, – говорит она и смотрит на мужа с гордостью.

– Спасибо, спасибо большое! – благодарю я и прижимаю пакет к себе. Это так трогательно, что я не нахожу слов. – Извините меня за мой внешний вид, – продолжаю я, потупив взгляд.

– Ничего, девочка, – она протягивает руку и гладит меня по щеке. – Живи долго! Передай контейнер через Харуна, а ещё лучше приходи к нам ещё раз!

Я улыбаюсь ей, украдкой оглядываясь на Харуна. Кажется, он не против того, что я приняла пакет у женщины. Он прощается с ними, идёт к машине, садиться в неё. Я бегу следом, забираюсь на заднее сиденье и через стекло машу рукой супругам.

Глава 10

– Ну, а что было дальше? – требует продолжения Джулейла, когда я прерываю свой рассказ.

Вернувшись поздно вечером, она была удивлена тем, что у нас на ужин жареная рыба. Дело в том, что я не умею готовить. Пока мы сидели за столом и не спеша ужинали, я рассказала ей подробности своих приключений в полураздетом виде.

– Дальше он довез меня до дома, остановился у подъезда, я поблагодарила его и вылетела из машины, – продолжаю я рассказывать, принимаясь мыть посуду, – но он вышел следом и пошёл за мной. Повезло, что делегации бабушек на лавочке не было, только консьержка, когда я забирала у неё запасные ключи, огрела меня недобрым взглядом, и на него покосилась подозрительно. Он зашел вместе со мной в лифт,

и когда мы оказались у дверей, я не выдержала, развернулась к нему и выпалила: «Что вам надо? Спасибо, что подвезли и всё такое, но к себе я вас впускать не буду!»

– А он что? – Лейла стоит рядом, внимательно слушает меня.

– А он...

Вспоминаю, как по его лицу проходит тень злости, как он прожигает меня взглядом и подходит ближе. Перехватывает запястья, отводит руки в разные стороны. Из моих рук выскальзывает пакет и ключи, я забываю, как дышать, сердце бьется так, словно сейчас выпрыгнет из груди и вприпрыжку по лестницам убежит. Его руки проникают под пиджак, скользят по моим плечам и снимают пиджак с меня.

– Это – мое! – вкрадчиво произносит он, забирает свой пиджак, разворачивается и шагает прочь.

Я остаюсь на лестничной площадке одна. Не могу пошевелиться. Его шаги отдаются эхом в голове... И только когда лифт поглощает и увозит его, я прихожу в себя, дрожащими руками подбираю пакет и ключи, и, с трудом справившись с замком, проскальзываю в квартиру.

– Оказывается, всё это время, я была в его пиджаке, и он поднялся, чтобы забрать его, как будто я бы его себе оставила, – театрально закатываю я глаза, заканчиваю мыть посуду. – Я же думала, что это пиджак Имрана, хотела ему вернуть.

Лейла в ответ хмыкает, мы выключаем свет и выходим из

кухни. Я иду в ванную, умываюсь, чищу зубы, возвращаюсь в комнату.

– Ты знаешь, он ненормальный, – начинает подруга, когда я появляюсь.

Она расстилает простыню на своем диване, я помогаю ей.

– Когда ты потеряла сознание, он закинул тебя на плечи так, будто ты мешок картошки, – выпучив глаза, возмущается она, – и понёс куда-то. Я последовала за ним, чуть не умирая от беспокойства за тебя, но он так на меня зыркнул и потребовал, чтобы все принимались за работу. После этого я не рискнула пойти за ним, чтобы посмотреть, как ты.

– Да, он злой как дракон, разве только огнем не дышит, вспыльчивый и раздражительный. А эта его манера говорить с издёвкой и иронией, выводит из себя! – на одном дыхании перечисляю я все его недостатки, переодеваюсь в пижаму, ложусь в постель. – Порвал платье на мне, выставив на посмеище, как мне теперь в агентстве появляться после такого?

Мой голос звучит жалобно, когда я представляю себе это.

– Забей ты на них, подумаешь, в обморок упала. А то, что он на тебе платье порвал, так это та еще сцена была, – говорит Лейла, выключает свет и ложится в свою постель. – Ты знаешь, после того, как он вышел, девочки обсуждали его. Оказывается, Харун известен тем, что никогда не снисходит до моделей. Представь, сколько девушек готовы на всё, чтобы он обратил на них внимание, сами к нему липнут, а он

игнорирует эти попытки.

— Ммм, — задумчиво мычу в ответ. Наверное, его сиятельству нет ровни на всей планете.

— Ладно, давай спать, — предлагает Джу устало.

— Спокойной ночи, — отвечаю я, поворачиваясь на бок, но сна ни в одном глазу.

Лежу, прокручиваю в голове события сегодняшнего дня. Вспоминаю супружескую пару. Становится тепло, хочется улыбнуться, давно мне не встречались такие дружелюбные люди. Интересно, как они связаны с этим злыдней? Они напомнили мне о моих родных. Бабушка и дед очень тепло относились друг к другу. Летом мы переносили стол и стулья во двор, и вечерами они сидели за ним и пили чай, тихо обсуждая что-то. Иногда бабушка заливалась смехом. Я любила такие моменты, потому что она очень редко смеялась. Наверное, она из-за меня была такой хмурой, ведь я была постоянным напоминанием для всех об их позоре. Сейчас повзрослев, я стала понимать, как нелегко им пришлось в свое время... Меня мучает один вопрос: любили ли они меня, хотя бы немного?

Закрывая глаза, я стараюсь воспроизвести в памяти их лица, но могу вспомнить только общие черты: высокого художавого деда, его кудрявые седые волосы, бабушка намного ниже его ростом, на её голове постоянно косынка, которую она снимает только ночью перед сном, когда распутывает косу, расчёсывает волосы и заплетает новую. Я не могу вспом-

нить цвет их глаз, форму губ, это всё с годами растворилось в памяти. Даже их фото у меня нет. У нас был старый, потрепанный временем альбом с фотографиями где они молодые, а мама маленькая, но он остался под обломками дома. Только лицо мамы перед глазами, её забыть я не могу. Часто вижу её черты в своем зеркальном отражении.

От нахлынувших воспоминаний щиплет глаза и становится грустно. Решаю, что лучше уснуть и не мучать себя туманным прошлым. Лейла мирно сопит на соседнем диване. Я смотрю на электронные часы — уже два часа ночи. Закрываю глаза, пытаюсь уснуть.

В прихожей раздаётся звонок моего мобильного. Озадаченная, я встаю и на цыпочках бегу туда. Наверное, кто-то ошибся номером, кто бы стал звонить мне в такое время? Быстро достаю телефон из сумки, которую оставляла в агентстве, но Лейла принесла её с собой, и отвечаю на звонок, желая, чтобы он скорее прекратился, не хочу тревожить подругу.

– Диана, я тебя не разбудил? – раздаётся в трубке голос Имрана.

– Нет, – отвечаю я шепотом, иду на кухню и закрываю дверь, – что-то случилось?

– Да, у нас форс-мажор. Мне только что звонила Туба, она хочет видеть тебя.

Я молчу, перевариваю услышанное.

– Она видела, который час? – прихожу я в себя.

– Думаю, да, тебе повезло, что ты ещё не спишь, меня она разбудила, – говорит он. – Нужно ехать к ней, в контракте это оговорено.

– Вы серьёзно? – не могу поверить я в это. – И как я поеду к ней в такое время?

– Я приеду за тобой, отвезу, – зевает в трубку Имран. – Напиши мне точный адрес, и накинь на себя куртку, – не оставляет он мне выбора.

– Хорошо, – поджимаю губы и завершаю вызов.

Пока пишу ему сообщение с адресом, перебираю в голове все известные мне матерные слова. Эта Туба вообще нормальная? Зачем я понадобилась ей посреди ночи?

Включаю в прихожей свет, захожу в комнату, бросив взгляд на Лейлу – она спит. Открываю шкаф, беру джинсы с футболкой и тихо переодеваюсь. Возвращаюсь на кухню и сажусь на стул, злясь на всю вселенную за то, что происходит со мной! Это же надо было вляпаться в такое... Зеваю. Теперь, когда, нужно ехать, очень хочется спать. Решаю, что нужно выпить кофе, пока варю его и допиваю, проходит тридцать минут, и телефон снова трезвонит.

– Я внизу, выходи, – говорит в трубку Имран.

– Сейчас спущусь.

Тяжело вздыхаю и шагаю в прихожую. Открываю шкаф и надеваю короткую кожаную куртку, кеды, забираю ключи и выхожу из квартиры, тихо захлопнув дверь. Пока лифт уносит меня вниз, думаю о том, какая у меня бурная жизнь, од-

ни приключения на пятую точку, из крайности в крайность. Выхожу из подъезда и останавливаюсь как вкопанная. Имран стоит рядом с мотоциклом, в его руках два шлема, и он выглядит как настоящий байкер. Увидев меня, он широко улыбается и говорит:

– Поехали?

Подхожу ближе, настороженно смотрю на него.

– На этом? – спрашиваю и указываю на мотоцикл.

– Никогда раньше не ездила?

– Нет, – качаю головой.

Байк впечатляет своей красотой и мощностью. Чувствуется, что он из разряда дорогих мужских игрушек, но я вовсе не уверена, что хочу ехать куда-либо на нём.

– На нём мы доберемся быстрее, – словно отвечает на мои мысли Имран, надевая шлем и садясь на мотоцикл. – Застегни куртку и садись.

В замешательстве следую его указаниям и только сейчас понимаю, почему он попросил надеть куртку. Когда он об этом упомянул, я подумала, что из-за ночного ветра. Он протягивает шлем, я беру и надеваю его на голову. «Чёрт, чёрт, чёрт!» – проносится в голове. Когда я сажусь на мотоцикл позади него, Имран поворачивается ко мне и улыбается.

– Тебе придется обнять меня, иначе далеко мы не уедем, – говорит он.

Двигаюсь ближе, неловко хватаясь за него. Байк издает протяжный рык и срывается с места. Закрыв глаза, я цепля-

юсь за Имрана мёртвой хваткой, кричу, но мой крик тонет в звуках, издаваемых мотоциклом. Он мчится, словно наперегонки с ветром.

Постепенно я привыкаю к скорости и открываю глаза. Тело наполняется чувством пьянящей свободы. Перед нами расстилается лента дороги, освещенная светом фонарей. Мелькают разноцветные огни вывесок магазинов и кафе, образуя светящиеся стрелы. Мне хочется кричать от восторга. Не думала, что поездка на мотоцикле может принести столько эмоций.

Мы пересекаем один квартал за другим. Я в таком восторге, что мне не хочется, чтобы мы останавливались. Но Имран сбавляет скорость, и, заезжая на улицу с частными домами, останавливается у одного из них, глушит мотор, и байк прекращает свой рёв. Я отцепляю пальцы, слезаю, снимаю шлем.

– Живая? – спрашивает он.

– Да-а! – восторженно отвечаю. – Я и не думала, что это может быть настолько классно.

Он довольно улыбается и берёт шлем из моих рук. Я замечаю, что мне нравится его лицо, когда на нем появляется улыбка.

– Пойдём, посмотрим, что Тубе не спиться, – указывает он на дом за высоким забором.

Подходит к воротам и нажимает на звонок, который писком сообщает нам о том, что можно войти. Имран шагает

внутри, я следую за ним. Моему взору открывается огромный двухэтажный белый дом с собственным бассейном во дворе и аккуратно подстриженным газоном и кустами. Мы подходим к дому, но не успеваем постучать, как дверь распахивается перед нами.

– Имран, котенок, ты привез её, – Туба подходит и, обнимая меня одной рукой за плечи, заводит в дом.

Я получаю ещё один культурный шок от её внешнего вида – эта женщина даже по ночам выглядит эпатажно. Нужно к этому привыкать!

– Как ты, белочка? – спрашивает она и усаживает меня в гостиную на диван.

«Нужно привыкать не только к её виду, но и манере называть всех вокруг зверьками», — промелькнула у меня мысль.

– Спасибо, со мной всё хорошо, – стараюсь быть вежливой, хотя очень не хочется. Надеюсь, что она не будет дёргать меня по ночам всё время. – Вы хотели меня видеть?

– Нет, – вскакивает она и разводит руки в стороны, – мне это было жизненно необходимо. Мне приснился фантастический свадебный наряд, я хочу воплотить его в жизнь. Мы будем шить его индивидуально для тебя, по твоим меркам, – её глаза фанатично светятся.

«А это не могло подождать до утра!?» – мне хочется закричать. Перевожу взгляд на Имрана, он смотрит на меня исподлобья, сдерживая смех.

– Пойдем, – подходит она ко мне, берёт за локоть и тянет

вверх. – Имрик, дом в твоём распоряжении, можешь занять себя чем угодно, белочка нужна мне в мастерской.

Я бросаю на Имрана умоляющий взгляд. Он с сожалением улыбается. Иду за Тубой, мы поднимается по лестнице на второй этаж, открываем первую дверь слева и заходим. Большая просторная комната кажется перегруженной из-за беспорядка в ней: манекены, лоскутки тканей, бумага валяются абсолютно повсюду.

– Снимай куртку, располагайся, – командует она, подходит к столу, стоящему посередине комнаты, садится и достает листы бумаги.

Я стягиваю с себя куртку, оглядываюсь вокруг. Как вообще в таком беспорядке можно работать? Взгляд падает на железную стойку, на которой висят свадебные платья. Я подхожу ближе, рассматриваю их.

– Нравятся? – спрашивает она, не поднимая головы, и что-то рисует.

– Да, очень красиво, – отвечаю искренне.

Она молчит, рисует, иногда поднимает голову, смотрит на меня, что-то решает в уме, потом снова возвращается к своему занятию.

– Подойди поближе, посмотри.

Я подхожу к ней, встаю рядом. Она показывает мне эскизы свадебного платья, на которых я не вижу ничего необычного, кроме огромного шлейфа.

Туба поднимает голову и смотрит мне в лицо.

– Ты не впечатлена, – констатирует она, – это потому, что не знаешь, каким оно будет в итоге, это – только в моей голове, – щелкает она пальцами и продолжает: – Когда оно будет готово, то поразит всю Европу! Мне нужно снять с тебя мерки, тебе придется раздеться.

Она откладывает в стороны листы, привстает, берёт сантиметровую ленту. Да запросто, после сегодняшнего дня для меня это – раз плюнуть!

– Да, конечно, – снимаю с себя футболку, а затем и джинсы.

Туба начинает измерять меня со всех сторон, записывая результаты в тетрадь. Когда измеряет область груди, просит снять бюстгальтер. Я выполняю все её приказы. Закончив с мерками, она прикладывает ко мне гипюр и атлас, делает пометки в тетради, кружит по комнате, начинает снова рисовать...

– На сегодня это всё, – сообщает она через некоторое время.

Я быстро надеваю свою одежду, и мы спускаемся вниз к Имрану. Он сидит на прежнем месте, смотрит телевизор, при виде нас привстаёт.

– Ну что, закончили?

– Да, котенок, – обнимает она его, – не буду задерживать вас, предлагая чай, идите, уже поздно.

«Интересно, когда это она поняла, что уже поздно?» – хмыкаю про себя.

Я прощаюсь с ней, и мы выходим.

– Ты привыкнешь к тому, что в мире моды все немного сумасшедшие, – заговорщически произносит Имран, когда мы подходим к его байку.

– Боюсь, что я уже начала привыкать, – тем же тоном отвечаю я, надевая шлем, и сажусь позади него.

Имран смеётся, заводит мотоцикл, я обхватываю руками его за талию, и мы срываемся с места. На этот раз я не испытываю страха, просто наслаждаюсь поездкой. Через какое-то время я понимаю, что он везёт меня в противоположную сторону от моего района. Мы движемся к восточной части города. Моему взору открывается мост, который расстилается над проливом, соединяя две части города. Никогда не бывала тут в ночное время. Днём он перегружен сотнями автомобилей и не впечатляет так, как сейчас, подсвеченный множеством огней и светодиодных лент. Они отражаются на глади воды и переливаются, создавая особенную сказочную атмосферу.

Имран заезжает на мост, сбавляет скорость, и, когда мы оказываемся посередине, тормозит и заглушает мотор. Я отодвигаюсь от него, слезаю, снимаю шлем, жду, пока он сделает тоже самое.

– Ты же не хочешь спать?

– Нет, но что мы тут делаем? – после выпитого кофе и адреналина, полученного от езды на мотоцикле, спать мне точно не хочется.

– Ждём рассвета, – улыбается он, тянется к мотоциклу, открывает сзади крышку и достает оттуда фотоаппарат. – Я подумал, что мы не можем упустить эту возможность, осталось совсем немного, скоро начнется восход солнца, а отсюда – потрясающий вид.

Я подхожу к ограде, смотрю вниз, где колышется вода, создавая впечатление танцующих огней.

– Красиво, – шепчу, не отрывая взгляда.

Имран встает рядом и щёлкает фотоаппаратом воду.

– Если упасть с такой высоты, наверное, можно умереть, – озвучиваю я мысль.

– Этот мост – излюбленное место самоубийц. Те кто хочет уйти из жизни красиво, приходят сюда.

Я замолкаю и заворуженно смотрю вниз.

– Диана, – Имран поворачивается ко мне, – я извиняюсь за то, что произошло в агентстве. Харун не должен был так поступать.

– Вы всегда извиняетесь вместо брата? – не скрываю я своего негодования, отвожу взгляд от воды и смотрю на него. – Это уже второй раз, когда вы просите прощения вместо него.

– Потому что никто не знает его так хорошо, как я, – произносит он мягко. – Харун – стратег и перфекционист. Зачастую его дни расписаны по минутам на месяцы вперед, к тому же он – трудоголик. Иногда он работает так, что может не спать несколько ночей подряд, а если что-то или кто-то мешает в достижении его цели, нарушая его порядок, он не

выбирает методов, чтобы устранить это.

– Хотите сказать, что я являюсь раздражителем для него?

Имран, запрокинув голову, гортанно смеется. Я же ничего смешного в этом не вижу, он ведь намекает именно на это, разве нет? Увидев, что я не разделяю его веселья, он прекращает смеяться, и серьезным тоном продолжает:

– Скажем так, в тебе он видит угрозу, которая может разрушить его планы. Издательство было основано ещё нашим дедом, затем управление им перешло к нашему отцу, – Имран делает паузу, размышляет о чем-то. – После его смерти оно оказалось на грани разорения, помимо долгов, в наследство нам ничего не досталось. Харун взвалил всё на свои плечи в двадцать лет. Ему пришлось заключить сделку с человеком, который был готов профинансировать издательство, в обмен на пятьдесят процентов наших акций. За эти годы брат не только вывел издательство из кризиса, но и расширил его, увеличив количество выпускаемых журналов, открыл модельное агентство, которое упрощает работу рекламного отдела. Контракт с Тубой выведет один из его журналов на мировой рынок. Наверное, ты думаешь, какого чёрта я рассказываю тебе об этом? —он наклоняет голову и улыбается. – Просто я хочу, чтобы ты понимала ответственность, возложенную на тебя... Если Style Wedding станет настолько успешным – есть вероятность, что мы сможем заключить сделку, которая позволит вернуть наши акции. Харун одержим этим проектом, а его успешность зависит и от

тебя. Ты – одна из маленьких деталей в большом механизме, и если не сможешь выполнить свою функцию, то вся система полетит, – заканчивает он.

Всё это время я внимательно слушаю его и начинаю осознавать всю ответственность. Становится страшно, обнимаю себя руками. Возможно, я недостаточно серьёзно относилась к своей работе, для меня она – ловушка, в которую я угодила, но для них это – возможность вернуть свое наследие...

– Я поняла, сделаю всё возможное, чтобы не подвести, – тихо отвечаю я.

– Отлично, а теперь посмотри на это.

Он кладет руки на мои плечи и медленно разворачивает таким образом, чтобы я видела нежно-алые цвета, расстилающиеся по небу. Первые робкие лучи солнца показываются из-за горизонта, тонут в волнах, отражаются и множатся от поверхности воды. Восторг и упоение наполняют меня. Наблюдение за рассветом – одно из самых прекрасных мгновений, которое можно прожить, это возвращает к истокам, к самой сути жизни.

Мне бы хотелось навечно остаться в этом миге.

Глава 11

Любование рассветом настолько поглощает меня, что я не сразу замечаю, как Имран щелкает фотоаппаратом. Поворачиваюсь к нему и вижу, что объектив направлен на меня.

– Так не честно! – скрещиваю руки на груди, изображая обиду.

Он улыбается моей выходке, продолжая снимать.

– Мы тут не просто так: это наш первый фото урок. Скажу честно, твои студийные фото никуда не годятся, – говорит он, переставая фотографировать, и разглядывает экран камеры. – Эти фото, другое дело, – кивает на камеру, – они восхитительны! Знаешь, в чём разница между ними и снимками, сделанными в студии?

Я медленно мотаю головой, пожимаю плечами.

– Сейчас ты была настоящая. Все твои эмоции были обнажены и отражались на лице. На съёмках, когда фотограф просит тебя о той или иной эмоции, ты стараешься изобразить их, но у тебя это не получается, поэтому фотографии неестественные, на них ты скованная, потерянная. Ты должна научиться управлять эмоциями. Представь, что в твоей голове сундучок: если фотографу нужна твоя улыбка, то вспомни что-то веселое, что заставляло тебя смеяться, и тогда улыбка сама появится на твоём лице. Если же ему нужно,

чтобы ты была печальной, то ты должна вспомнить то, что сильно огорчило тебя когда-то...

– У меня это плохо получается, я не умею как другие модели мгновенно менять выражение лица, – откровенно признаюсь я.

– Ты слишком стеснительная для модели, но нам нужно за короткий срок подготовить тебя для съемок коллекции Тубы и участия в дефиле. Теперь я сам буду с тобой работать, ведь я снимаю её коллекцию. За это время ты должна привыкнуть ко мне и к камере, должна почувствовать себя уверенней, только тогда у нас всё получится.

– Спасибо вам, Имран, мне очень жаль, что я создаю столько проблем.

Он хмыкает, убирает камеру в байк, подходит ко мне, встает рядом и смотрит на небо. Солнце ласково освещает его лицо.

– Нет никаких проблем, тебе от нас достается не меньше, не так ли? – заглядывает он мне в лицо.

– Вовсе нет, – отвечаю я быстро и резко, чувствую себя неловко.

– Вчера, ты сказала, что у тебя никого нет. Твои родители живут в другом городе?

Вопрос застает меня врасплох. Он задает его внезапно, и меня скручивает изнутри, словно мне нанесли удар в солнечное сплетение.

– Я выросла в детдоме, – отвожу глаза в сторону, стараюсь,

чтобы голос не выдал моего волнения.

Он молчит, чувствую, как его взгляд изучает меня.

– И тебе ничего не известно о своих родителях? Как ты оказалась в детском доме?

Воздух покидает мои легкие. Я отворачиваюсь так, чтобы он не видел моего лица. Смотрю вниз на воду: световое освещение моста отключено, и теперь огни не отражаются в воде. Вся сказочная красота ночи улетучивается, день вступает в свои права, обнажая всё вокруг в своем истинном виде.

Я лихорадочно размышляю над тем, что ответить Имрану. В памяти всплывает рассказ Джулейлы о том, как она оказалась в детском доме. Набираюсь храбрости, чувствую, как в горле образовался ком, заставляю себя его сглотнуть.

– Меня подбросили в детскую больницу с обостренной пневмонией, когда мне было всего несколько месяцев, – повторяю её слова, – поэтому я ничего не знаю о своих родителях ...

Вру, нагло и бессовестно присваивая себе историю чужой жизни, плету вокруг себя прочную паутину из лжи, так, чтобы он не узнал, не распознал правду, не мог сопоставить то, кем я могу быть.

– Диана, я такой осел! – шлепает он себя по лбу. – Прости за такие вопросы, должно быть тебе они не приятны, – с искренним сожалением в голосе произносит он.

Я медленно закрываю глаза, считаю про себя до десяти. Слишком стыдно и страшно посмотреть ему в лицо.

Чувствую тяжесть, словно на плечи повесили тонну бетона. Ложь – она такая, давит на тебя грузом.

– Имран, мы можем поехать домой? – выдавливаю из себя, уходя от темы. – Я очень устала...

– Конечно! Ты можешь сегодня остаться дома, выпишись как следует, – мгновенно отзывается он.

– Спасибо.

Я разворачиваюсь только после того, как он отходит от меня, и следую за ним к мотоциклу. На мосту появляются первые автомобили, которые проезжают мимо нас... Сажусь позади него, он трогается с места, но я больше не чувствую восторга от поездки на мотоцикле. Веду немую беседу со своей совестью, убеждая и успокаивая себя в том, что у меня не было другого выхода, что близнецы, не должны знать о том, кто я. Теперь я связана с ними контрактом, и если они всё узнают, то уверена, что они превратят мою жизнь в ад...

– Спасибо, – благодарю я.

Когда Имран останавливается у подъезда, я слезаю с мотоцикла и ставлю шлем на сиденье. Не дожидаясь, пока он снимет свой шлем, поворачиваюсь, чтобы уйти. Но он перехватывает мою руку. Я с удивлением смотрю на него.

– Всё в порядке? Кажется, я испортил тебе настроение, – внимательно смотрит он на меня.

– Всё нормально, просто устала и очень хочу спать, – растягиваю я губы, вынуждая себя улыбнуться ему.

Имран расцепляет пальцы и отпускает мою руку.

– Ок, не буду задерживать тебя, сладких снов, – говорит он, подмигивая, затем надевает шлем и уезжает.

Смотрю ему в след, пока он не скрывается из виду, потом не спеша иду к подъезду, поднимаюсь на свой этаж, и тихо открыв дверь, захожу в квартиру. Лейла все ещё спит и, кажется, даже не заметила моего отсутствия. Мысленно прошу у неё прощения, за то, что присвоила себе её историю, что не все ей рассказываю. Возможно, я не самая лучшая подруга, которая досталась ей. Раздеваюсь, ложусь в постель, и как только голова касается подушки, приказываю себе ни о чём не думать. И мгновенно отключаюсь.

***

Меня будит настойчивый дверной звонок. Встаю, чувствую себя разбитой, смотрю на аккуратно убранный постель Лейлы, и смутно вспоминаю, как она меня будила, и я о чём-то говорила с ней. Иду в прихожую, смотрю в глазок, вижу худощавого незнакомого парня в красной футболке и бейсболке. Нахмурившись, открываю дверь.

– Здравствуйте, мне нужна Диана Джемаль.

– Это я, – бросаю коротко.

– Тогда это вам, – передает он мне большой бумажный пакет с логотипом MARCIANO Guess и протягивает квитанцию, – распишитесь, пожалуйста, в получении.

Я недоумеваю, беру из его рук пакет, заглядываю внутрь и вижу коробку белого цвета. Парень настойчиво сует подставку с квитанцией. Я расписываюсь, возвращаю ему, коротко

благодарю и, закрыв дверь, спешу в комнату.

Достаю коробку из пакета, открываю, аккуратно разворачиваю белую обёрточную бумагу и вижу лиф от платья чёрного цвета. Одергиваю руку, словно обжёгшись, отхожу назад, смотрю на коробку. «Может Лейла решила прикупить себе новое платье, а поскольку я дома, отправила на мое имя?» – проскальзывает мысль. Я нахожу мобильный, набираю её, и после нескольких гудков она отвечает.

– Ты отправляла платье на мое имя? – перехожу сразу к делу.

– Эм, что? Нет. А что такое? – озадаченно произносит она.

– Ладно, окей, поговорим позже.

Отключаюсь и нервно хожу по комнате туда-сюда. Значит, Харун. Это у него такой способ извиниться? Мне это совсем не нравится. Что он о себе возомнил? Думает можно взять, разорвать на мне платье, вести себя как хам, а после – просто отправить взамен другое?

Закрываю крышку, убираю коробку в пакет, твёрдо решая вернуть ему это и немедленно! Вспоминаю о контейнере под рыбу, который должна была передать через него. Иду на кухню, нахожу его, наполняю шоколадом, привезенным из США, кладу в пакет к платью. Быстро передвигаюсь по квартире, готовясь к выходу.

Через пятнадцать минут я смотрюсь в зеркало и нахожу свой вид вполне сносным. Бирюзовые брюки-дудочки в сочетании с жёлтой кофточкой освежают, отвлекая внимание от

недосыпа на лице. Волосы, собранные в хвостик, доходят до середины спины. Надев на ноги балетки, прихватываю пакет и выхожу из дома, пока решительность не покинула меня.

Решаю не тратиться на такси, иду к остановке и жду нужную маршрутку. Пока еду, готовлю речь, которую собираюсь ему сказать. Но, доехав до места, понимаю, что вовсе не знаю на каком этаже располагается редакция и его кабинет. Подхожу к администратору центра на первом этаже, спрашиваю. Она любезно информирует, что редакция находится в соседнем здании, а его кабинет на двадцать пятом этаже.

Поблагодарив её, решительно шагаю в соседнее здание, которое изнутри выглядит точно так же, как наше. Подхожу к лифту, поднимаюсь на нужный этаж. Когда выхожу из него, к своему удивлению, вижу на месте секретаря женщину преклонных лет, в очках с толстыми стеклами и пучком на голове. Подхожу к ней, она строго смотрит на меня поверх очков.

– Здравствуйте, я к Харуну Малик, – говорю прежде, чем она успевает задать вопрос.

– На сколько вам назначено и кто вы? – её голос звучит так же сурово, как она выглядит.

– Мне не назначено, я по личному вопросу, – стараюсь не терять уверенность.

Она недовольно поджимает губы, но поднимает трубку телефона.

– Как вас представить?

– Диана Джемаль.

– Харун, к вам по личному вопросу Диана Джемаль, – она окидывает меня взглядом с ног до головы, – поняла, – отвечает в трубку.

– Вам придется подождать, когда он освободиться, – теперь уже мне отвечает она и кладет трубку.

– Хорошо.

Она не предлагает мне присесть и мгновенно теряет ко мне интерес. Склонив голову, возвращается к изучению документов, лежащих перед ней. Я в шоке от её бесцеремонности. Разворачиваюсь, иду к черным офисным диванам и присаживаюсь на один из них, кладя рядом пакет. На стеклянном столике множество журналов. Беру первый попавшийся, стараюсь заинтересовать себя им.

Пока я бесцельно рассматриваю картинки в журнале, к нему в кабинет то и дело входят и выходят люди. Время идет: я сижу уже второй час, попа начинает болеть, а я – злиться. Рассматриваю журналы по второму и даже третьему кругу, и всё это под строгим взглядом его секретарши, которая дразнит меня запахом ароматного кофе. Она пьет сама и заносит в кабинет Харуна, а мне и не думает предлагать. Хочется послать всё к черту и уйти, но надежда, что вот-вот, и он меня пригласит, не отпускает.

Проходит ещё час, затем ещё два. Я продолжаю ждать из упрямства. Мысленно обзываю его всеми известными мне ругательствами, но от этого не становится легче. Когда я дохожу до отчаяния, решаю, что суну пакет его секретарю и

уйду, пусть она сама передаст ему. Но она встаёт, берет какие-то папки в руки и направляется к лифту, бросая на меня предупреждающий взгляд.

Как только она скрывается в лифте, я вскакиваю на ноги, хватаю пакет и стремительно направляюсь к его кабинету. «Ну, я сейчас тебе устрою!» – предвкушаю я мстительно. С силой дергаю ручку двери, толкаю её так, что она ударяется об стену и захожу в его кабинет.

В центре стоит массивный рабочий стол, за которым никого нет. Я оглядываю светлый, просторный кабинет и замечаю в левой его части, у стены, открытую дверь офисного шкафа, из-за которой показывается голова Харуна. Его глаза метают молнии. Он отходит назад, и ошарашивает меня тем, что стоит по пояс голый, держа в руках рубашку. Это этим он так сильно занят? Кто вообще переодевается в офисе? Чертов педант!

– Тебя не учили хорошим манерам? Прежде, чем войти куда-то, нужно постучаться! – произносит он, грозно сдвинув брови.

Меня это не пугает, ведь я в праведном гневе – надо же было так угробить мой день! Отвожу взгляд, который, оказывается, всё это время изучал его накаченный торс.

– Не нужно говорить о хороших манерах, они вам точно не известны! – гордо шагаю я по кабинету к его столу.

Боковым зрением вижу, как он натягивает на себя рубашку и застегивает пуговицы.

– Вы заставили меня прождать пять часов! Но я ценю чужое время, поэтому перейду сразу к делу. Я пришла, чтобы вернуть вам это! – с грохотом опускаю пакет на его грёбанный рабочий стол. – Мне от вас ничего не нужно! Достаточно было просто извиниться за свой поступок!

Харун, уже одетый в белоснежную гладко-выглаженную рубашку, медленно двигаясь, подходит к столу и опускается в кресло.

– Что это? – кивает он на пакет.

– Платье, которое вы мне прислали, – отвечаю я, вздернув подбородок. – Это было не к чему, я не буду его принимать!

Он медленно поднимает руку и смотрит на свои наручные часы, а затем на меня.

– Ты, отняла у меня пять минут времени, – демонстративно стучит он по часам, – пытаюсь вернуть то, что я тебе не посылал.

– Как это не посылал?!

– Не посылал, это значит, что я не имею никого отношения к этому пакету и к тому, что находится в нём. И ещё, запомни на будущее, я никогда не извиняюсь, вне зависимости от того виноват или нет.

Еле заметная ухмылка делает его лицо одновременно прекрасным и жестоким. Весь мой самоконтроль куда-то исчезает, шея и щеки заливаются краской, и я часто моргаю. Это надо же так облажаться!

Откинувшись в кресле, он смотрит на меня в упор. Я те-

ряюсь от его притягивающего взгляда и на несколько секунд забываю, зачем вообще пришла. Ощутимое напряжение чувствуется между нами, и он позволяет ему увеличиться, откровенно наслаждаясь моим позором.

– Харун, ты занят? Нужно выбрать снимки с фотосессии, – раздаётся в дверях голос Имрана.

Слышу, как он шагает в кабинет, ставит на стол папки, и встает у противоположной от меня стены.

– Диана, – произносит Имран удивленно, когда замечает меня, – что ты здесь делаешь?

– Возвращает платье, которое ей якобы посылал я, – издевательски отвечает вместо меня Харун.

Имран бросает взгляд на пакет на столе.

– Почему? Оно тебе не понравилось? Вообще-то, его послал я, – признается он.

Ну конечно, нужно быть полной идиоткой, чтобы не догадаться об этом! Как только я подумала на Харуна?! Открываю рот, чтобы ответить, но ничего не выходит. Мне приходится пару раз прокашляться.

– Позволь спросить, за каким чертом тебе это нужно было делать? – спрашивает Харун брата.

Его глаза опасно поблёскивают. Теперь откашливается Имран.

– Ну, вообще-то, её платье получило производственную травму в агентстве, поэтому я подумал, что Диана имеет право получить взамен другое...

Пару секунд все молчат. Харун никак не комментирует заявление брата, лишь, поджав губы, рассматривает его в упор.

– Я не знала, что это от вас, – нарушаю тишину я, – но раз его прислали вы, – акцентируя внимание на последнем слове говорю я, – то, пожалуй, оставлю платье себе.

Я стреляю в сторону Харуна злобным взглядом. Сегодня должно пострадать не только моё самолюбие!

– Отлично, тем более скоро у тебя будет повод надеть его: у нас намечается вечеринка, – весело произносит Имран, пытаясь разрядить обстановку.

– Спасибо, платье чудесное, это очень мило с вашей стороны, – нагло любезничаю, направляя все силы на то, чтобы разозлить Харуна.

– Какого чёрта вы устроили в моем кабинете? – гремит он. – Если ты все выяснила – можешь проваливать!

Его слова, как выстрел, эхом отражаются от стен кабинета, действуя на нервную систему. Я стискиваю зубы, чтобы не послать его ко всем чертям. Выхватываю пакет, достаю контейнер и ставлю его на стол.

– Я обещала вернуть это, – сердито произношу я, глядя на него.

Никогда не встречала человека, который вызывал бы у меня такое бешенство. Я хочу расцарапать ногтями его наглую, самодовольную рожу!

– До свидания, Имран, – демонстративно прощаюсь я только с ним.

Гордо вздёрнув подбородок, разворачиваюсь и шагаю по направлению к выходу. Моя гордость только что была смертельно ранена, и этим я обязана только себе!

Глава 12

Выпрямив спину, расправляю плечи, приподнимаю подбородок и грудь вперёд, стараюсь шагать по ровной линии, начерченной по подиуму в зеркальной студии. Моник, преподаватель и постановщик дефиле, сцепив руки на груди, внимательно наблюдает за мной. За последние несколько дней, что мы с ним вырабатываем мою походку, он не сделал мне ни одного замечания, и это припадает мне уверенности.

Дохожу до середины подиума, ставлю руку на талию, выжидаю три секунды и иду обратно. Становясь на место, возпросительно смотрю на него, ожидая его оценки или критики, но он молчит и лишь, подняв руку, чертит в воздухе пальцем круг, говоря тем самым, чтобы я прошлась ещё раз. Я киваю, начинаю сосредоточенно шагать, пытаюсь вспомнить все нюансы, о которых он говорил, но мой взгляд падает на дверь, откуда появляется Имран, точнее его голова. Просунув её в студию, он выкатывает язык, закатывает глаза и строит одну из своих милых рожиц. Мои губы против воли растягиваются в улыбке.

За последние две недели мы с Имраном подружились, с ним легко и просто, много смеха и веселья. Он из тех, кто умеет превратить любую работу в веселье и получать удовольствие от процесса съёмок.

– Нет, нет, Диана, твоё лицо должно быть нейтральным, никаких улыбок, подмигиваний и всего прочего, это отвлекает внимание от вещи, которую ты демонстрируешь, – Моник моментально реагирует на изменения в моей мимике.

Он никогда не кричит и не выходит из себя, отличается терпением и сдержанностью. Монику уже далеко за тридцать, он невысокого роста, коренастый, в очках, за которыми сверкают глаза темно-зеленого цвета. Его часто меняющиеся цветные шарфы на шее всегда идеально подобраны и подчеркивают изумительный цвет глаз. Он – один из немногих, кто мне нравится в этом агентстве, а его голос с искусственным акцентом иностранца, который, я уверена, он имитирует, могу слушать вечно.

Придавая лицу нейтральное выражение, продолжаю дефилировать, пока не возвращаюсь назад. Когда я поворачиваюсь лицом к студии, то вижу рядом с Моником Имрана. В одной руке он держит пластиковый стаканчик с кофе из автомата. Я знаю, что он принес его для меня. Имран всегда заставляет меня выпить кофе перед фотосессией. В другой руке у него большой белый конверт, им он машет мне и, наклонив голову, улыбается.

– Молодец, на сегодня это всё, – Моник хлопает в своей привычной манере, – завтра я приеду чуть позже, не забывай про осанку, не важно, на подиуме ты или нет.

Я утвердительно киваю ему. Он разворачивается, несколько секунд о чём-то переговаривается с Имраном и,

широко шагая, покидает студию. Я облегченно вздыхаю, как только дверь закрывается за его спиной, и, сгорбившись, опускаю плечи. Мышцы ноют от напряжения и усталости. Стягиваю с себя туфли, и пьяной походкой иду по подиуму.

– Ты маленькая мошенница, что ты обещала Мони? – Иман громко смеется и садится на край подиума.

Дохожу до него и опускаюсь рядом, свесив ноги. Он протягивает мне стаканчик американо, и я с благодарностью принимаю кофе из его рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.